

## Категория риторического идеала в историческом аспекте ред. 2

### Содержание

Введение .....	2
Глава 1. Понятие риторического идеала	
▪ Идеал как философская категория .....	5
▪ Свойства и типология риторического идеала .....	10
▪ Источники риторического идеала .....	14
Глава 2. История риторического идеала:	
▪ Античность .....	24
▪ Средние века и Возрождение .....	44
▪ Древняя Русь .....	53
▪ XVII в. – нач. XX в. ....	60
▪ Советский риторический идеал .....	64
▪ Речевой идеал современности .....	71
Заключение .....	81
Список использованной литературы .....	84

«Сократ: Речи достойного человека всегда направлены к высшему благу, он никогда не станет говорить наобум, но всегда держит в уме какой-то образец, как и все остальные мастера: стремясь выполнить свое дело, каждый из них выбирает нужные снасти не кое-как, но чтобы вещь, над которой они трудятся, приобрела определенный вид».

Платон «Горгий»

### **Введение**

Создание ораторской речи – процесс творческий. Когда оратор создает свою речь, он ориентируется на представление о том, какой должна быть хорошая речь. Такое представление о хорошей речи оратор черпает из общепринятого для определенного общества идеала. Этот идеал мы называем риторическим – культурно-языковой код для создания хорошей речи.

Определяющим методологическим отличием риторики от других филологических дисциплин является ее ориентация на ценностный аспект в описании предмета и подчиненность этого описания прикладным задачам. Риторическое учение разрабатывается в связи с потребностями речевой практики и обучения языку. И для того, чтобы понимать, чему учить, необходимо выработать определенный ориентир – цель, к которой нужно стремиться в обучении и построении речи. Таким ориентиром служит определенный образец, который в риторике и в других речеведческих дисциплинах имеет название «риторический идеал» или «речевой идеал». Это понятие может быть определено как «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившихся в той или иной культуре и отражающая систему ценностей» [Михальская 1996: 379].

История риторики – самый неисследованный раздел среди речевых дисциплин. Только в последние несколько десятилетий стали появляться работы, в которых анализируются события ораторской практики разных эпох. Понятие риторического идеала в этом отношении является центральным, т.к. он вбирает в себя все своеобразие этических и эстетических черт культуры определенного времени. А.К. Михальская справедливо

отмечает, что «история риторики может быть рассказана как история возникших, утверждавшихся и сменявших друг друга риторических идеалов» [Михальская 2002: 449].

Изучение того, как складывается риторический идеал, может дать ключ к пониманию речевой культуры той или иной эпохи и истории словесности. Исследователи отмечают, что «система ценностей и ожиданий по поводу того, как должно происходить речевое общение в той или иной ситуации ... не случайна, а закономерна и исторически обусловлена» [Там же]. Следовательно, обратившись к конкретным примерам из истории риторики, выделив в них отличительные качества, соотнеся их с общеэстетическими и этическими представлениями эпохи, мы можем проследить историю риторического идеала.

**Цель данной работы** – раскрыть сущность категории риторического идеала и описать процесс и основания его эволюции в русской и зарубежных риториках, ответить на вопрос о том, как изменялось представление о «хорошей» речи с течением времени. Для достижения обозначенной цели необходимо осуществить следующие задачи:

1. Дать определение и описать наиболее существенные свойства риторического идеала;
2. Выявить основания понятия «риторический идеал»;
3. Проследить историю изменения риторического идеала и сопоставить их с эволюцией представлений о прекрасном (эстетика) и правильном (этика) в речи в культуре разных эпох.

Для анализа представлений о хорошей речи в разных культурах и эпохах мы обращаемся к исследованиям и учебникам по риторике, а также к текстам речей выдающихся ораторов древности и современности, высказываниям ученых, ораторов и писателей о речи. Для углубленного понимания своеобразия этической и эстетической составляющих риторического идеала мы привлекаем философскую литературу.

## **I глава. Понятие риторического идеала**

### **Идеал как философская категория**

Идеал – всеобщая форма целеполагающей деятельности, представление о предельном совершенстве в той или иной сфере бытия, в том или ином аспекте отношений. Идеал представляет собой образец, прообраз, понятие совершенства, высшую цель стремлений; «идеализировать – значит мысленно освобождать несовершенную действительность от ее несовершенства, уподоблять ее идеалу, формировать нечто сообразно идее» [Философский энциклопедический словарь 2002]. Формирование природных предметов сообразно идеалу представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до ее фактического осуществления» [Философский словарь 2001].

Идеал становится направляющей силой в самых разных аспектах – общественном, эстетическом, нравственном, научном, религиозном и др. Общественный идеал становится мотивом, который оправдывает напряжение сил и энергии многих людей ради достижения определенных социальных и политических целей. Так в европейской традиции, начиная с Платона, существует устойчивое представление об идеальном государстве. Не меньшую роль в истории играл идеал единого национального государства (в странах Западной Европы 18-19 вв.; Восточной – 20 в.). В ряде стран мира используется идеал исламского государства. С точки зрения внутренней организации государства в мире конкурируют два основных идеала – демократии и сильной власти. Эстетический идеал отражает стремление человека к прекрасному, связанные с ним представления о путях творческого раскрытия в искусстве предмета наблюдения (внешняя природа, человек в его данности через внешние атрибуты (тело) и внутренний мир). Нравственный идеал задает модель поведения в большинстве жизненных ситуаций. В мировой культуре неоднократно предпринимались попытки специально разработать нравственный идеал – от первых кодексов возникшей в античности концептуальной этики до «морального кодекса строителя коммунизма». Религиозный идеал непосредственно связан с нравственным, поскольку задает определенное видение человека, его действий. Научный идеал представлен определенной совокупностью исторически варьируемых принципов, выступающих в качестве оснований научного поиска (этикет научной деятельности). Личный идеал своим наличием в культуре фиксирует ценность индивидуального бытия, а

также задает путь его раскрытия через самовоспитание, соучастие других людей в судьбе Я (воспитание). Он имеет самые разные ориентации – от общественно-значимых до лично-интимных.

Свою историю категория идеала и связанная с ней категория идеального берут начало еще в античной философии. В философии Платона и Аристотеля впервые возникает трактовка идеального как невещественного. У Платона идеальное первично, является самостоятельной сущностью, которая творит мир и противостоит этому материальному миру. Концепция идеального, выраженная в понятии души, у Аристотеля разработана более основательно и содержит ряд положительных моментов. Аристотель утверждает, что все, что мы знаем, мы знаем из наших ощущений.

Наиболее остро проблема идеала была поставлена в немецкой классической философии. Кант, связал проблему идеала с проблемой внутренней цели, рассмотрел ее в анализе эстетической способности суждения. Согласно Канту, явления, не имеющие цели, которая могла бы быть представлена образно, не имеют и идеала, например, природные ландшафты. Также не могут иметь идеала и предметы, имеющие свою цель «вне себя», как, например орудия труда, инструменты и прочие. В животном внутренняя целесообразность осуществляется, как и у растений, без сознания и воли, лишь инстинктивно. И «только человек, следовательно, способен быть идеалом красоты, так же как человечество в его лице в качестве интеллигенции единственно среди всех предметов мира способно быть идеалом совершенства» [Кант 1966: 182]. Для человека характерно свободное, то есть сознательно совершаемое действие в согласии с универсальной, всеобщей целью рода человеческого. Идеал и есть это представление об итоговом совершенстве человеческого рода. Идеал совершенства, по Канту, опирается на идею нормы и идею разума. Норма формируется на основании опыта в синтезе с идеей того, «кто выносит суждение». Таким образом, красота есть форма целесообразности предмета, воспринимаемая в нем без представления о цели.

Из этого понимания идеала развились эстетические и философско-теоретические концепции Фихте, Шеллинга, и Шиллера. Они спорили о том, как появляется идеал – берется ли он из практики или представляет собой «идеальную идею», которая недостижима в принципе. И Кант, и Фихте полагали, что идеал есть высшая, конечная цель на пути постепенного «нравственного самоусовершенствования», на пути последнего

осознания «достоинства человека» (индивида) как высшего и единственного принципа «идеального» законодательства.

Идеальное определяется у Гегеля как снятое, как способ существования конечного в бесконечном. Гегель постулирует первичность идеи, идеального, что ведет к превращению сознания в самостоятельную сущность, творящую мир. В истории философии впервые Гегель связал идеальное с бесконечным мировым процессом.

Глубокую разработку проблема идеального получила в философии марксизма. В классическом марксизме в принципиальном виде были выяснены важнейшие черты идеального как такового. Маркс и Энгельс подвергли критике буржуазную ограниченность как кантовского-фихтеанского, так и гегелевского понимания идеала, они материалистически переработали и использовали классические идеалистические учения об идеале. Человек отличается от животного не «мышлением» и не «моральностью», а трудом. Он деятельно преобразует природу и самого себя. В этом и заключается его подлинная «природа». Этим исторически определяется и высшая цель, т.е. идеал человеческой деятельности. Человек является самоцелью только как субъект предметно-практического преобразования природы и общественных отношений, а не как мыслящая или моральная личность. В понимании этого факта и был найден ключ к проблеме идеала.

В XX в. была предложена новая форма диалектического материализма, которая была названа конкретно-всеобщей теорией диалектического материализма и является современной формой научной философии. В основе конкретно-всеобщей теории – концепция единого, закономерного мирового процесса, которая опирается на данные частных наук. Конкретно-всеобщая теория позволяет объяснить закономерное появление человека и вывести идеальное из мирового процесса развития. В связи с этим определение идеального получает дальнейшую разработку [Философская энциклопедия в 5-ти тт.].

### ***Определение и свойства риторического идеала***

В речи как в особенной ментальной человеческой деятельности также существует понятие идеала – представление о хорошей, уместной и правильной речи. Такой идеал называется риторическим. «Риторический идеал – это исторически сложившаяся и специфическая для данной формы культуры система категорий, отражающих наиболее общие требования к речи и речевому поведению» [Михальская 1998: 284]. В литературе, наряду с интересующим нас понятием, встречается термин «речевой идеал». Определения

*речевой* и *риторический* идеал можно считать синонимами в широком значении последнего – «системы наиболее общих требований к речи». Однако в риторике понятие «риторический идеал» может иметь и более узкое значение: требования к ораторской прозе.

Риторический идеал – одна из основных категорий сравнительно-исторической риторики, начало исследований в рамках которой положила А.К. Михальская. Сфера исследований этой науки – «логосферы» разных речевых культур и эпох. Логосфера – это «речемыслительная область культуры, в более широком значении – вся огромная область культуры, наполненная «словами и идеями» [Михальская 1996: 33]. Термин *логосфера* был предложен Роланом Бартом в 1975 г. в работе «Война языков». В ней Р. Барт осветил проблему связи языка и речи с властью и социальным устройством. Эта проблема является основной и в сравнительно-исторической риторике. Цель этой науки – «проникнуть в тайны принципов организации логосфер разных культур и найти «формулу» каждой из них для сравнения, сопоставления. Ведь исследование логосферы – во многом ключ к пониманию специфики менталитетов и ментальности народов» [Там же: 35].

Предметом сравнительно-исторической риторики являются «формы речи, отражающие формы мысли» [Там же: 42]. В качестве основных методов исследований в ней используются контент-анализ и метод выделения ключевых слов культуры. Последний предполагает сопоставление и выяснение разных оттенков значений ключевых слов-терминов в их связи с системой взглядов и идей того или иного автора. Контент-анализ помогает разложить значения понятий на элементарные компоненты. Помимо значений, учитываются также и формы речи. «Именно способы, формы речи важны, т.к. именно они и передают различные мировоззрения: формы речи выражают формы мысли и иерархию ценностей данной культуры» [Там же: 39]. Формы речи, «рисунок веток и сам ствол дерева, его несущий каркас», т.е. то, в каком именно виде изъясняются представители той или иной культуры, задают *формулу логосферы*. В соответствии с этой формулой анализируются культуры разных народов и эпох, пополняются представления о ментальности и своеобразии духовности носителей этих культур.

Риторический идеал в методологии сравнительно-исторической риторики является определяющим понятием. Являясь одновременно элементом речевой культуры, он

становится основой логосферы, принципом ее организации. При помощи изучения специфики риторического идеала можно исследовать логосферу определенной культуры.

Понятие риторического идеала тесно связано с традиционной риторической категорией *образ ратора*, которая представляет собой «антропоцентричный социально-политический норматив прозаической речи» [Романенко 2003: 25]. Данное понятие генетически связано с категорией поэтики *образ автора*, однако свое происхождение образ автора, скорее, ведет из образа ратора – «сущность образа автора риторическая» [Там же: 16]. Тесная взаимосвязь этих понятий обусловлена исторической изменчивостью границ между риторикой и поэтикой. Но и в том и в другом случае образ автора и образ ратора – отражение языковой личности в произведении словесности.

Образ ратора также как и риторический идеал становится «способом измерения» словесной культуры общества, «дает представление о специфике прозаической словесной культуры. Он является «центром», «смысловым ядром» этой культуры. <...> Образ ратора делает явными и языковые, и идеологические, и этические, и риторические, и культурологические аспекты словесности» [Там же: 13].

Однако при всем сходстве данных понятий нельзя говорить об их тождественности. Образ ратора является, скорее, частным, конкретно-индивидуальным воплощением нормативных речевых черт культуры. Образ ратора антропоцентричен, более связан с субъектом речи, тогда как риторический идеал – категория общественная, это норматив речи всего общества, он содержится не только в сознании ратора, но и в голове любого носителя данной культуры [Михальская 1996: 43]. Более того, риторический идеал как совокупность представлений о хорошей речи может влиять и на конкретные черты образа ратора. «Образ ратора складывается как отношение его индивидуального стиля к представлению общества о риторическом идеале» [Волков 2003: 19].

### **Свойства и типология риторического идеала**

Важнейшими свойствами риторического идеала можно считать его три основные черты: историчность - «он изменяется исторически вместе с изменением породившей его культуры», культуроспецифичность – «он неодинаков в разных культурах», и его тесную связь с «особенностями социальной модели, социального устройства» [Михальская 1996: 46]. Таким образом, риторический идеал позволяет выявить специфику культуры



определенной эпохи в ее речевом аспекте и особенности общественных отношений в условиях той или иной социальной модели.

Рассмотрим эти черты подробнее. Риторический идеал меняется со временем, в связи с процессами, происходящими в обществе, в культуре и логосфере. Логосфера не может оставаться неизменной, т.к. в связи с общественными изменениями происходит и смена ментальных установок, меняется способ и средства общения. То, что было приемлемо и считалось «хорошим» для речи в XIX веке, вероятно, не будет считаться таковым в XX-XXI вв.

Следующее свойство риторического идеала – его культурная обусловленность. Это качество проявляется при коммуницировании представителей разных культур и зачастую связан с различиями именно в национальном мировоззрении, различии культур разных стран. А.К. Михальская приводит такой пример: «Описаны и многочисленные случаи нарушения понимания между носителями разных культур внутри одной страны, например, в США. Скажем, официантка-индианка из одного североамериканского племени воспринималась американцами-клиентами как невежливая и даже враждебная. Она была так не улыбочива и немногословна, что вызывала многочисленные нарекания. Сородичи же принимали ее речь и поведение как вполне естественные и дружелюбные» [Там же, с. 49].

Риторический идеал всегда связан с устройством общества, социально обусловлен. А.К. Михальская упоминает об Аристотеле, который говорил, что для того, чтобы убедить представителей определенной формы правления, необходимо знать нравы этих правителей и их ценности. «По Аристотелю форма правления имеет некую ведущую цель и соответствующие ей нравственные ценности, и речь оратора, чтобы быть убедительной, должна соответствовать той системе ценностей, которая принята при данной форме правления. Это значит, что риторический идеал – представление о хорошей речи – определяется социальной структурой» [Там же, с. 51]. А.К. Михальская указывает на то, что в конце XX столетия лингвисты и политологи даже пришли к выводу о том, что невозможно рассматривать политические структуры и процессы в отрыве от рассмотрения обслуживающего их языка. Дж. Хабермас связывает «норму речевого общения» не только с некоторой идеальной ситуацией речевого общения, но и с идеальной формой

общественной жизни, основные параметры которой представлены условиями идеальной речевой ситуации.

Риторический идеал как ментальная установка одновременно задает и регулирует правила речи в конкретной речевой практике: он является ориентиром для говорящего, закрепленным нормативно – в правилах грамматики, требованиях культуры речи и речевом этикете. И в то же время он испытывает на себе влияние «языкового вкуса эпохи» и как и всякий конструкт культуры, изменяется вместе с течением духовной жизни общества. Следовательно, риторический идеал можно назвать «эстафетой речевой традиции», которая передается от поколения к поколению и обогащается или изменяется речевой практикой каждого из них.

«Риторический идеал – это исторически сложившаяся и специфическая для данной формы культуры система категорий, отражающих наиболее общие требования к речи и речевому поведению, система иерархически организованная, так что ее элементы имеют отнюдь не одинаковый статус, т.е. общериторическая парадигма; набор элементов (категорий) и их статус в этой парадигме обусловлен общеэстетическим и этическим идеалами определенной культуры и выражает их существенные черты» [Михальская 1998: 284]. В данном определении ясно показана связь элементов интересующего нас понятия с чертами эстетического и этического идеала определенной культуры и эпохи.

А.К. Михальская предлагает выделить четыре наиболее важных для любой речевой ситуации типа отношений между участниками речевого общения. Эти ситуационные установки становятся своеобразной «формулой логосферы», по которой можно «измерить» речевой идеал какой-либо эпохи или культуры.

Отношения между партнерами по общению можно определить, ответив на следующие вопросы:

1. Воспринимают ли партнеры по общению друг друга как некую ценность? Здесь важно наличие или отсутствие ценностного отношения между участниками общения.
2. Насколько важна для участников речевой ситуации иерархия между ними?
3. Каким видят участники ситуации процесс и результат общения? Этот вопрос касается целей партнеров: что составляет ведущую цель общения, каким видится партнерам его результат – победа и самоутверждение в ходе

общения или гармонизация отношений в поисках согласия. По этому критерию в истории разных логосфер агональный риторический идеал противостоит гармонизирующему.

#### 4. Отношение говорящих к речи и ее предмету.

Ценностное отношение друг к другу между партнерами общения отражается в оппозиции «монологичность/диалогичность» по содержанию. Если один человек рассматривает личность другого человека как ценность, признает его важным, формируются субъект-субъектные отношения. Коммуникация в данном случае становится симметричной, и такие отношения называют диалогическими. Этому типу коммуникации противостоят субъект-объектные отношения между партнерами по общению. Свою реализацию такой тип отношений получает в форме монолога. Однако эта диалогичность и монологичность в данном случае проявляется только в содержании речи: «ведь речевые формы монолога и диалога могут появляться в каждой из разновидностей, хотя «по смыслу» теснее связаны с соответствующей, «своей» разновидностью отношений» [Михальская 1996: 61].

Вторая оппозиция качеств коммуникации проявляется в формальной монологичности и диалогичности. В данном аспекте форма речи выступает как «форма власти»: в ней отражается иерархия участников. Монолог становится средством подавления партнера, подавления его инициативы. Диалог наоборот призывает партнера по общению к ответному общению, к «своему слову», побуждает высказываться. «Говорить есть не что иное, как возбуждать в слушателе его собственное внутренне слово» (В.Ф. Одоевский) [Там же].

С точки зрения третьего типа отношений речь может быть агональной – воинствующей, направленной на самоутверждение и борьбу с собеседником, и гармонизирующей – мирной, стремящейся к согласию и разрешению противоречий. Одним из наиболее ярких примеров агонального типа общения, по А.К. Михальской, является политика.

Четвертая оппозиция отражает отношение речи к истине. Противопоставляется истинность речи как ценность и относительность ценности истинности речи. Первый тип называется онтологическим, второй – релятивистским.

Таким образом, по названным четырем оппозициям выводится «формула измерения логосферы».

### **Источники риторического идеала**

Источниками риторического идеала являются нормы. По соответствию речевых высказываний нормам можно анализировать и характеризовать логосферу, а также отслеживать эволюцию риторического идеала. Наиболее существенными будут следующие нормы:

- языковые;
- технические;
- этические;
- эстетические.

1. Необходимо, чтобы речь была грамотной, стилистически выверенной, ясной, чистой и др. Неграмотная или неясная речь не может считаться идеальной. Риторический идеал отталкивается от норм такой рекомендательной науки об умелом использовании языка как культура речи. Стоит учесть, что культура речи – это наука, которая в XX веке стала одним из воплощений риторики. Можно предположить, что риторический идеал как образ и представление о «хорошей» речи был научно описан и разделен на категории именно в этой отрасли языкознания. Культура речи отражает собственно лингвистический и этический аспекты представлений об образцовой речи, она транслирует эти представления через систему образования и речевую практику широким массам. Близкая к культуре речи область знания стилистика отражает стилистический и эстетический аспект риторического идеала эпохи.

Языковой уровень тесно переплетается с эстетическим, в частности, общей для них будет категория стиля. Здесь однако имеются ввиду, скорее, конкретные языковые проявления стиля той или иной эпохи, в отличие от эстетики, которая занимается общими свойствами такового. «Стиль основывается на умении говорить правильно по-гречески, а это зависит от пяти условий: от употребления союзов, от того, размещены ли они так, как они по своей природе должны следовать друг за другом... Второе заключается в употреблении собственно самих слов... В-третьих, не следует употреблять двусмысленных выражений, кроме тех случаев, когда это

делается умышленно, как, например, поступают люди, которым нечего сказать... В-четвертых, следует правильно употреблять роды имен... В-пятых, следует соблюдать последовательность в числе...» [Аристотель 2010: 279].

2. «Технические» нормы – название условное. Как Аристотель выделял «технические» способы убеждения, т.е. основанные на приемах риторики, так и мы определяем технические нормы как нормы собственно риторические, т.е. те, которые были выработаны в риторике – соответствие определенному алгоритму действий для создания и исполнения ораторской речи. Риторика – это наука об убеждающей речи, следовательно, наиболее важными требованиями к хорошей речи будут такими, которые позволяют убеждать и воздействовать словом. Основным содержанием технического уровня будут все законы эффективной ораторской речи. Классический канон риторики выделяет пять разделов: изобретение, расположение, украшение, запоминание и исполнение. Рассмотрим кратко, как «технические» требования влияют на риторическое произведение на каждом этапе.

а) «Изобретение риторическое есть собрание разных речей, пристойных предлагаемой материи» [Ломоносов 1996]. Наиболее важным для данного этапа является понимание «предложения» (пропозиции) – той идеи, которую ритор хочет донести до аудитории. А.А. Волков справедливо указывает, что если «у автора нет ясного представления о том, что он предлагает аудитории, ему не удастся развернуть последовательную аргументацию» [Волков 2003: 93], а следовательно и произвести нужный эффект воздействия. На этом же этапе важным является анализ аудитории для дальнейшей ориентировки на уровень знаний слушателей, на актуальность излагаемого для публики и др. Отсюда же вытекает требование подбора аргументов – сильных для именно для конкретной публики, а не для абстрактной. Соответствие законам риторики на этапе изобретения гарантирует эффективность речи, т.е. при правильной формулировке идеи и выборе средств ее донесения оратору удастся достичь цели, которую он себе наметил. Эффективность, убедительность и способность достигать цели – основополагающие черты хорошей речи, которые составляют часть риторического идеала.

б) Нормы расположения мыслей опираются на сведения о законах восприятия устной речи слушающими людьми. Именно поэтому в ораторской речи необходимы:

вступление как подготовка слушательского внимания, основная часть, в которой излагается основной материал, приводятся аргументы и опровержения и т.д. В заключительной части подводятся итоги, напоминает главное и озвучивается призыв действовать так, как убеждает оратор. Оратор, игнорирующий законы восприятия речи и отклоняющийся от признанных способов развертывания сообщения, рискует остаться непонятым. Следовательно, речь такого оратора не может считаться хорошей.

с) Элокуция – завершающий этап построения, на котором создается непосредственно текст высказывания [Волков 2003: 260]. На данном этапе подбираются средства словесного выражения замысла. Анализ учебной литературы показывает, что содержание этого раздела обычно дублирует содержание норм и требований культуры речи и стилистики. Следовательно, на данном этапе создания ораторской речи ритор руководствуется нормами, о которых мы говорили в разделе о языковой норме.

d) Требования к ораторской деятельности на этапе запоминания влияют на интересующий нас предмет лишь косвенно – преимущество получает тот оратор, который умеет говорить «без бумажки». Хорошая память и способы ее укрепления и запоминания, которые обычно приводятся в руководствах по риторике оказывают в этом неоценимую помощь.

е) «Произношение есть голоса и тела по пристойности вещей и страстей обращение» (Амвросий Серебренников. Краткое руководство к оратории российской (1778). Идея должна быть выражена ясно и понятно – как при подборе слов, так и на этапе произнесения. Дефекты дикции, слабый голос, монотонность или, наоборот, излишняя эмоциональность могут испортить впечатление и при хорошем изложении. Здесь снова вступает в силу принцип эффективности ораторской речи. Без удовлетворительного произнесения речь не может считаться хорошей.

В заключении раздела о «техническом» уровне риторического идеала отметим, что правила и алгоритмы построения ораторской речи основаны в большинстве своем на законах восприятия устной речи и имеют тесную связь с остальными уровнями норм, влияющими на риторический идеал.

### 3. Этические нормы

«И если кто решил овладеть красноречием по-настоящему, он должен быть человеком справедливым и сведущим в делах справедливости...» [Платон 1968]. Этика ораторской речи на протяжении веков являлась и является одной из наиболее обсуждаемых тем в риторике. Острота проблемы связана с особой ответственностью, которую несет оратор вместе с приобретенным «правом на речь». Ответственность становится тем выше, чем большее количество людей слышит речь и чем более крупной фигурой является оратор (от его слов и действий может зависеть судьба людей целой страны). Будет ли эта речь во благо, истинно ли то, что он говорит, и какую роль сыграют его слова в жизни слушателей – все это касается одного и того же этического аспекта и, несомненно, оказывает влияние на риторический идеал.

Этика как часть философского знания изучает мораль (нравственность). «Мораль – это совокупность исторически обусловленных правил, норм, обычаев, принципов существования и поведения людей, их отношений в процессе производства материальных и духовных ценностей, которые определяют их обязанности одного перед другим, к социальным группам, слоям, классам, к обществу, выполнение которых базируется на общественной мысли» [Кондрашов 2008]. Возникновение морали связано со становлением общества, прежде всего общественного труда. В первобытных сообществах критерий добра и зла определялся тем, что шло на пользу или во вред роду и племени – хорошим считалось то, что помогало выжить. Так появились запреты и табу на поступки, не ведущие к добру, т.е. к продолжению жизни, рода, к здоровью каждого члена общества и миру между ними. Система таких запретов распространилась также и на речевое поведение – здесь берет свое начало, например, маркирование определенной лексики как запретной, табуированной, порицается употребление подобных слов в обществе. Если речь причиняет зло, такая речь неэтична. Выжить помогало общество, поэтому то, что прекращает общение и разрушает общественные отношения, порицается – конфликтность, оскорбления и т.д.

Речевой поступок оратора можно квалифицировать с точки зрения соответствия нормам морали. Оратор опирается на них, вырабатывая основную мысль своей речи, разрабатывая систему аргументации, выбирая тональность звучания голоса и, в общем, стиль речи и выступления. «Этика публичной аргументации связана с нормами, которые

принимаются в одинаковой степени ритором и аудиторией и с точки зрения которых оцениваются как публичные высказывания, так и участники общения» [Волков 2003: 31].

Риторическая этика имеет дело с нравственными, моральными, правовыми нормами, а также техническими нормами речи, причем последние понимаются как разряд этических. Моральные нормы касаются уместности публичной речи, порядка и последовательности высказываний, права на публичную речь, предоставляемого компетентностью ратора, стилистических качеств речи, обеспечивающих ее правильность, точность и ясность, ответственности за введение в заблуждение там, где она не регулируется правовыми нормами, психологического давления на аудиторию, соблюдения правил этикета и учтивости. Нравственные нормы речи связаны с пониманием ритором ответственности за выбор предмета речи, за обращение к аудитории, за техническое совершенство высказываний, за правильность положений, которые он выдвигает, и за последствия решений, которые могут быть приняты. [Там же: 33]

Этические требования к оратору определяются в литературе как *ораторские нравы*. Аристотель утверждал: «Можно убеждать не только средством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом, – ведь мы верим оратору, потому что он кажется нам человеком известного склада, т.е. если он кажется нам человеком честным или благомыслящим или и тем и другим вместе...» [Аристотель 2010: 128]. Этическая составляющая проявляется в такой категории, образующей образ ратора, как этос. А.А. Волков выделяет следующие ораторские нравы: честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность. Соответствие ораторским нравам определяет этический образ ратора. Честность — умение создать правильное представление об образе ратора, целях и содержании аргументации. В понятие честности входят: ответственность, компетентность, добросовестность, определенность позиции. Компетентность ратора проявляется в выборе предмета речи и техники аргументации. Второе условие компетентности — практический опыт. Этичность речи всегда определяется личной позицией человека, который предлагает аудитории конкретное решение. Если этот человек сам прошел путь, который он предлагает другим, и перенес трудности, опасности и неудачи, его позиция этически безупречна. Наконец, третье условие компетентности — владение техникой публичной речи. Поскольку ритор несет ответственность за предложения, которые он выдвигает, и за последствия принимаемых решений, ошибки



неправильной или недостаточно продуманной аргументации имеют этическое значение. Добросовестность состоит в умении проявить добрую волю (наличие которой предполагается) - не ввести аудиторию в заблуждение относительно возможных решений проблемы и достоверности фактов. Скромность есть умение занять правильную позицию равенства и превосходства в отношении к аудитории: явное превосходство влечет за собой отчуждение, а явное уравнивание — пренебрежение. Ритор не должен нанести вред аудитории, все его предложения направлены на благо аудитории. Если из содержания высказываний неясно, какую пользу они должны принести, ритор может предстать этически несостоятельным. Доброжелательный ритор имеет в виду интересы аудитории, а не свои собственные, поэтому он воздерживается от самовыражения, от непродуманной искренности, от излишней горячности и эмоциональности речи, от немедленной и недостаточно взвешенной реакции на слова и поступки. Предусмотрительность — способность предвидеть последствия решений. Публичная аргументация проблемна и спорна, предложения ритора влекут за собой не только положительные и отрицательные последствия, но и конфликт в аудитории, поэтому ритор обязан, прежде чем высказаться, взвесить возможные последствия своих предложений и оценить способность аудитории решить проблемы, которые ставит перед ней аргументация. [Волков 2003: 40]

#### 4. Эстетические нормы

«Как мольеровский Журден всю жизнь, сам того не ведая, говорил прозой, так и художник соблюдает в процессе творчества законы эстетики, даже если думает, что творит только по велению души» [Борев 2002: 12]. Эстетическая сторона речи выходит на первый план непосредственно при создании текста ритора, т.е. на этапе расположения и украшения. С точки зрения общепринятых языковых и эстетических норм оратор выбирает слова, в которые он облакает свои мысли, и способ расположения предложений.

В ораторской речи эстетика проявляет себя через категорию стиля. «Стиль — система целесообразно отобранных и согласованных языковых средств, которые используются для выражения определенных смыслов» [Волков 2003: 260]. Стиль, как известно, выбирается в соответствии с предметом речи, он «не должен быть ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить к предмету речи» [Аристотель 2010: 268].

Качества стиля проявляются в слоге. Слог – способ словесного выражения. Определяющими требованиями при подборе слов являются точность, уместность,

гармоничность, стилевая сочетаемость. С точки зрения расположения, хорошей считается речь, части которой соразмерны и позволяют в достаточной степени раскрыть и доказать идею выступления. Фигуры и тропы – «цветы красноречия» – также не только украшают речь, но и позволяют наиболее эффективным способом донести описание некоторых явлений (например, сравнение или метафора помогают слушателю ярко представить описываемый предмет). На этапе исполнения оратор стремится к гармоничности – в положении тела, жестикуляции, звучании голоса и др.

**Таким образом, мы можем сделать вывод** о том, что риторический идеал – это система требований к речи оратора, которые формируются на основе этико-эстетических, языковых и «технических» норм. Эти требования культуроспецифичны, т.е. образ хорошей речи формируется на основе особенностей определенной культуры. Требования изменяются с течением времени, а также вследствие изменения общественного устройства. Содержательно риторический идеал неразрывно связан с нравственными и эстетическими идеалами, формально хорошая речь организуется на основе собственно речевых требований (культура речи, языковая правильность, действенность, доказательность и др. категории риторического и культурно-речевого знания).

Основываясь на существенных чертах понятия, в следующей главе рассмотрим, как риторический идеал изменялся в разных эпохах.

## **II глава. История риторического идеала**

В данной главе обзорно описывается эволюция риторического идеала с древности до наших дней. Следует отметить, что подробных исследований истории данной категории в предшествующей литературе не проводилось. Данные о том, как изменялся идеал, мы будем извлекать из материала конкретных речей и учебной и научной литературы по риторике. Мы будем рассматривать речь с точки зрения тех нормативных уровней, которые выделили в I главе: технический, этический, эстетический и языковой.

### **Античность**

Свое начало риторическое знание берет в античности. Уже в героических эпосах Гомера красноречие является высочайшей ценностью: «У Гомера справедливо находим и изображение разных ораторов (Менелай, Нестор, Одиссей), и искусное членение речей, и высокую народную и общественную оценку оратора, и глубоко жизненное, практически эффективное значение речей в самые критические моменты изображаемых событий <...> И вообще речь как элемент гомеровского стиля – это огромная проблема, указать на которую совершенно необходимо» [Лосев 2000: 201]. «Илиада» и «Одиссея» отличаются четкостью структуры, направленность каждой ее части на хорошо осознанную оратором задачу, непринужденное владение словом обнаруживается в любой из множества речей, составляющих сложную словесную ткань поэм.

Становление риторики как упорядоченной системы знаний начинается в V-IV вв. до н.э. во времена афинской демократии. Государственный строй дал простор для развития ораторского искусства и появления целой плеяды выдающихся ораторов. Среди них были Фемистокл, Перикл, Клеон, Ферамен, Лисий, Ликург, Демосфен. Все они были активными общественными деятелями и являли собой идеал «общественного человека» - человека, способного держать в своих руках управление государством; речь становилась силой, при помощи которой можно было решить важнейшие общественные вопросы. Глашатаями такого идеала во второй половине V в. до н.э. выступили софисты, странствующие «учителя мудрости» [Гаспаров 1972: 9].

Софисты были первыми учителями, которые предлагали за плату обучить каждого желающего убедительно говорить о любом предмете. Основу учения софистов составляло представление об относительности истины. «Как в свободном государстве всякий человек имеет право судить о государственных делах и требовать, чтобы с ним считались, так и о

любом предмете всякий человек вправе иметь свое мнение, и оно имеет столько же прав на существование, как и любое другое» [Там же]. Широко известно высказывание крупнейшего софиста Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, поскольку они существуют, и не существующих, поскольку они не существуют». «Он (Протагор) первый заявил, что о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом... о мысли он не заботился, спорил о словах, и повсеместное нынешнее племя спорщиков берёт своё начало от него» – так охарактеризовал Диоген Лаэртский родоначальника софистики [Диоген Лаэртский 1986: 348]. Такой релятивизм впоследствии стал причиной отрицательного отношения к учению софистов: «Слово «софист» стало обозначением ученого шарлатана, и этим своим превращением в термин преимущественно дурного значения оно было обязано отчасти общему впечатлению от тех крайностей и ухищрений, которые действительно обнаружились в доктрине и деятельности этих новых учителей мудрости, отчасти же, и еще более, — той критике, которой их подвергли за это Сократ и его школа» [Фролов 1989]. Однако деятельность софистов оценивается не только отрицательно. А.Ф. Лосев отмечает, что софисты «создали какой-то небывалый в Греции культ слова и тем самым небывалое превознесение риторики, использующей слово для разных жизненных целей» [Лосев 2000: 30]. Самые известные софисты – Протагор, Горгий Леонтинский, его ученики Пол и Ликимний, Продик и Гиппий.

Рассмотрим риторический идеал софистов с точки зрения норм, о которых шла речь в первой главе. Техническая и языковая стороны софистической риторики были тщательно разработаны в связи с необходимостью убеждать при помощи одной только речи. «Горгий замечательно пишет в своей «Похвале Елене»: «Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить» [Там же: 31]. Для того, чтобы уметь «делать слабое мнение сильным», софисты изучали диалектику, искусство рассуждать, и риторику, искусство говорить. Таким образом, софисты стали первыми теоретиками риторики и внесли большой вклад в ее развитие. Протагор сделал первые попытки систематизировать приемы умозаключения. Ликофрон анализировал роль связки «есть» в предложении. Протагор, согласно традиции, положил начало словесным состязаниям, в которых многие

софисты прибегали к логическим передержкам и парадоксам, получившим уже в древности название «софизмов»; он же ввел в практику т.н. «двойные речи», когда практиковалось умение говорить «за» и «против» одного и того же тезиса. Горгий и другие софисты развили преподавание ораторского искусства, заложили основы науки о языке. Продик разработал основы учения о синонимах. Протагор занимался также категориями словоизменения и синтаксисом предложения. Он разделял всякую речь на четыре отдельные части: просьбу, вопрос, ответ и приказание. Другие софисты вводили деление речи на семь частей: повествование, вопрос, ответ, приказание, выражение желания, просьбу и призыв. Алкидам тоже вводил четыре деления речи: повествование, ответ, вопрос и приветствие. «Платон в «Федре» перечисляет целый ряд ораторов, которых он называет «Дедалами речей». Здесь фигурируют и Протагор со своей орфоэпией, и Горгий, и Тиссий с их небывалой виртуозностью аргументации, и Гиппий с Продиком, умевшие соблюдать меру в речах, и Пол с Его «музыкой речей», и «сладоречивый» Феодор Византийский, и Эвен Паросский с его похвалами в форме порицаний, и особенно Фрасимах Халкедонский...» [Там же: 32].

Софистов также называют «первыми филологами» – они впервые в греческой истории сделали язык предметом специального изучения. Протагор учил о глаголе и грамматических родах, Фрасимах Халкедонский – о членах предложения, о периодах и о переносных значениях в языке. Все это свидетельствует о том высоком значении, которое софисты придавали риторической технике и языковому мастерству.

Релятивизм и субъективизм проявлялись в особой аргументативной технике, которая получила название «софизма» – ложного умозаключения, которое при поверхностном рассмотрении кажется верным. «Под софизмом понимают логически или в деталях верное, но по сути не истинное суждение» [Михальская 2002: 451]. Убедительность на первый взгляд многих софизмов, их «логичность» обычно связана с хорошо замаскированной ошибкой — семиотической: за счёт метафоричности речи, омонимии или полисемии слов и пр., нарушающих однозначность мысли и приводящих к смешению значений терминов, или же логической: подмена основной мысли (тезиса) доказательства, принятие ложных посылок за истинные, несоблюдение допустимых способов рассуждения. Именно такими логическими уловками ораторы добивались

успеха своими речами. И только десятилетия спустя Аристотель в логических трудах описал их приемы и разработал опровержения.

Эстетически софисты продолжали натурфилософскую традицию космологического понимания красоты. «У Крития мы читаем такое, например, суждение, которое могло бы принадлежать любому досократовскому натурфилософу: «Усеянное звездами сияние неба, художественное творение Времени, мудрого зодчего» [Лосев 2000: 34]. Однако феномен красоты для такой эстетики уже переставал быть «незыблемой космической громадой». Релятивизм и субъективизм мироощущения софистов были перенесены и на восприятие прекрасного – упорядоченность и гармония космоса сменялись противоречивостью, яркостью и пестротой, присущими жизни. «Употребить красное словцо, поразить слушателя неожиданными метафорами и вообще ораторскими приемами, возбудить гнев и негодование как у отдельного человека, так и у толпы, а вместе с тем при помощи убедительного артистизма успокоить человеческое страдание и освободить от напрасных сетований – вот те новые пути, по которым шла эстетика софистов...» [Там же, с. 52].

Этический аспект речевого идеала софистов тесно связан с их отношением к возможности познания истины. Тезис Протагора «человек – мера всех вещей» проявлялся в том, что софисты брались за доказательства любого вопроса вне зависимости от его истинности или справедливости содеянного. В диалогах Платона, которые изображают софистов, убедительно показано их стремление не к истине и благу для публики, а использование искусства слова для собственной защиты, богатства, даже если они приобретены преступным путем.

*«Калликл. Ты уверяешь, Сократ, что ищешь истину, — так вот тебе истина: роскошь, своеволие, свобода — в них и добродетель, и счастье (разумеется, если обстоятельства благоприятствуют), а все прочее, все ваши звонкие слова и противные природе условности, — вздор, ничтожный и никчемный!» [Платон 1968].*

Мишенью критики Сократом в речах софистов стали отсутствие знаний об обсуждаемом предмете.

*«Сократ. Но и в остальных случаях перед любым иным искусством оратор и ораторское искусство пользуются таким же преимуществом.*

*Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки.*

*Горгий. Не правда ли, Сократ, какое замечательное удобство: из всех искусств изучаешь одно только это и, однако ж, нисколько не уступаешь мастерам любого дела!» [Платон 1968].*

Софистов критиковали за цели их красноречия – за то, что их речь направлена не на поиск истины, но на угождение толпе, не на то, чтобы сделать толпу лучше, но на то, чтобы ее ублажить, подделаться под нее. Сократ называл красноречие софистов «сноровкой», похожей на поварское искусство, которое в свою очередь подделывается под врачебное искусство, но преследует цель только доставлять наслаждение без учета пользы для здоровья.

*«Пол. Значит, поваренное искусство — то же, что красноречие?»*

*Сократ. никоим образом, но это разные части одного занятия. <...> По-моему, это занятие, чуждое искусству, но требующее души догадливой, дерзкой и наделенной природным даром обращения с людьми. Суть этого занятия я зову угодничеством. Оно складывается из многих частей, поваренное искусство — одна из них. Впрочем, искусством оно только кажется; по-моему, это не искусство, но навык и сноровка. Частями того же занятия я считаю и красноречие, и украшение тела, и софистику — всего четыре части соответственно четырем различным предметам» [Платон 1968].*

По Сократу, «цель красноречия – истина об обсуждаемом предмете, предмете речи, именно такая риторика дает подлинное благо людям и обществу и потому является настоящим искусством, тогда как риторика софистов, манипулируя слушателем с помощью формальных приемов, льстя им, угождая им, есть не искусство, а простая сноровка, основанная на лжи и лицемерии, и потому не благая, а пагубная, не приносящая настоящей пользы, а доставляющая низменное удовольствие. Таким образом, проблема этического выбора включается в диалог в само определение красноречия. Риторика софистов обращена к толпе и играет на ее инстинктах, риторика Сократа апеллирует к

свободному гражданину, *aner politicos*, действующему на благо своему государству» [Михальская, 1996: 16].

Таким образом, идеальной софисты считали такую речь, при помощи которой можно добиваться своих целей безотносительно истины и справедливости, при помощи которой можно манипулировать слушателями в целях самоутверждения, а также речь логически изощренную, которой присущи вместе с тем словесная красота и изящество. Риторический идеал софистов монологичен, в нем мы отмечаем приоритет субъект-объектных отношений. «Софисты не умели беседовать. Не могли потому, что не считали нужным. Их отношение к собеседнику было таково, что оно требовало от говорящего «долгих речей» – действительно, настоящих монологов. Почему? Да потому, что внутренний мир адресата и сам адресат интересовали софистов прежде всего как пассивный объект манипуляций со стороны оратора, объект воздействия» [Там же: 59].

Софистика – сложное социальное и историческое явление. Несмотря на критику, которой подвергали странствующих «учителей мудрости», их появление было вызвано самой жизнью, социальными и духовными процессами той эпохи. «Греческие софисты – это первая ступень самосознания духа, переходившего от объективного космологизма к субъективному антропологизму, причем базой для необходимого здесь индивидуалистического развития служила афинская демократия конца V в. Именно для нее, для ее политически-экономической экспансии и послужила орудием дифференцированная, свободно-инициативная личность, окончательно порвавшая с общинно-родовыми авторитетами» [Лосев 2000: 50].

Первым против софистов выступил Сократ (род. около 470 до н.э.). В отличие от софистов он во главу угла ставил логическое доказательство и искусство оперирования истинными рассуждениями. Согласно его концепции, верная мысль рождает верное деяние. Деятельность Сократа, имевшая целью нравственное возрождение общества, неизбежно привела его к оппозиции софистам. Сократ не был собственно оратором, не выступал в государственных собраниях, ничего не писал, а сведения о его воззрениях мы получаем из так называемых «сократических сочинений» Платона, других его учеников и оппонентов. Сократ был философом, но не ритором, однако его воззрения на идеал речи представляли ценность и вызывали огромный интерес у его последователей. Изучая речи



Сократа, которые запечатлел Платон, мы можем вычленить риторический идеал, противоположный софистическому.

В ранних диалогах Платона отражены стиль и характер бесед Сократа. Судя по этим диалогам, Сократ, вступая в спор с софистами, обсуждает смысл различных нравственных понятий (благо, мудрость, справедливость и т.д.). Как показывает Платон, Сократ начал впервые использовать индуктивный путь познания, давать общие определения на основе отношения частных. В его практике диалог сделался основным методом нахождения истины. Если предшествовавшие ему мыслители догматически выводили свои идеи, то Сократ пытался критически обсудить существующие позиции, точки зрения, заранее не отдавая предпочтения ни одной из них.

Перед софистами у Сократа были два преимущества: во-первых, он считал, что возможность доказать и опровергнуть один и тот же тезис не исключает возможности найти истину; во-вторых, в отличие от странствующих софистов Сократ постоянно жил в Афинах, вокруг него постепенно сложился круг учеников, которые затем основали «сократические школы». В этих школах получил развитие жанр сократического диалога. Именно с Сократом связано развитие диалога, принимающего форму то спокойной беседы, то напряженной полемики. Сократ своим вопросно-ответным методом, беспощадной логикой и диалектикой способствовал рождению правильной мысли, поиску истины и формированию высокой риторики. Поиск знаний о добром и справедливом сообща, в диалоге с одним или несколькими собеседниками сам по себе создавал как бы особые этические отношения между людьми, собравшимися вместе не ради развлечения и не ради практических дел, а ради обретения истины. Сократ обладал особым искусством — знаменитой иронией, с помощью которой он исподволь порождал у своих собеседников сомнение в истинности традиционных представлений, стремясь привести их к такому знанию, в достоверности которого они убедились бы сами. Такая риторика может рассматриваться как нравственная деятельность.

Упоминание о риторическом идеале встречается у Платона в диалоге «Горгий». В нем Сократ утверждает, что оратор «говорит не просто так, но всегда держит в голове некоторый «образ», «образец», эйдос — идею прекрасной речи». По Сократу обязательными чертами хорошей речи были истинность, нравственность как польза для общественного, а не личного блага, и строгая упорядоченность речи в формальном

отношении. Строгость и упорядоченность создавали гармонию – категорию, которая считалась наиболее общей и важной для прекрасной речи. «Порядок – космос – противостоит хаосу – беспорядку, или, как говорит Сократ, «бесчинству» в речи и в общении» [Михальская, 1996: 17].

*«Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную “порядком” [“космосом”], а не “беспорядком”, друг мой, и не “бесчинством”» [Платон 1968].*

Общеизвестно, что Сократ разработал прием «майевтики» - специальный способ поиска истины вместе с партнером по диалогу. Он не выступал перед своими учениками, а только задавал им вопросы, позволяя им самим прийти к определенным выводам, «найти знание в самих себе». «Если бы, например, Сократ видел в своих учениках (да и противниках) некий пустой сосуд или «приемник информации», вряд ли стали бы вообще возможны его разговоры с ними, вряд ли вообще им был бы открыт диалог как метод познания и общения. Но Сократ сделал это великое открытие: он посмотрел на человека, с которым разговаривал, совершенно иначе, чем это было принято прежде: он увидел в другом себя самого, или увидел себя самого как другого, и превратил этого другого в собеседника. Так и начался диалог, так возникла подлинная беседа» [Михальская 1996: 59]. Таким образом, риторический идеал Сократа диалогичен по содержанию и по форме.

*«Сократ. Сейчас я расскажу, как, на мой взгляд, обстоит дело, и если кто из вас решит, что я соглашаюсь сам с собою вопреки истине, пусть остановит меня и возражает. Ведь в точности я и сам еще не знаю того, о чем говорю, я только ищу вместе с вами, и если кто, споря со мною, найдет верный довод, я первый с ним соглашусь» [Платон 1968].*

В диалоге Платона «Федр» Сократ подробно описывает свое понимание хорошей речи (данный диалог исследователи называют первым в истории «руководством к красноречию», риторические идеи, описанные в этом диалоге, впоследствии были разработаны Аристотелем в его «Риторике»). А.К. Михальская выделяет несколько основных положений Сократа о речи в этом диалоге [Михальская 1996: 25]:

- 1) Красноречие – это «некое умение увлечь души словами, причем не только на суде или других общественных собраниях, но и в частной жизни». Проблема истинного и ложного красноречия решается путем ответа на вопрос о цели риторики. Сократ отвечает так: «Подлинного искусства речи... нельзя достигнуть, не познав истины, да и впредь не будет невозможно». Убеждение с помощью истины и в истинном – вот цель подлинного красноречия.
- 2) Представления об эстетике: порядок речи проявляется прежде всего в структуре; необходимо наличие в речи четко структурированных, отдельных частей; части эти должны быть расположены в определенном порядке и должны быть соразмерны и симметричны друг другу и целому. Следовательно, прекрасная речь есть речь гармоничная. Черты античной эстетики – гармония, мера, симметрия и др. – в полной мере проявились в представлениях Сократа:

*«Всякая речь должна быть составлена словно живое существо, а туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому <...> По-моему, сперва, в самом начале речи, должно быть вступление <...> А на втором месте изложение и за ним свидетельства, на третьем же месте – доказательства, на четвертом – выводы» [Платон 1986].*

- 3) В этом диалоге закладываются основы античного риторического канона, его важнейших этапов – изобретения и расположения.
- 4) Воспроизводя идеи своего учителя Сократа, фиксируя их, Платон разрабатывает основы учения о речевой ситуации, составившего концептуальную базу современных лингвистических дисциплин – коллоквиалистики и лингвопрагматики. Вырисовывается структура речевой ситуации: адресат и типы адресатов, сама речь и виды речей, соответствующие типам адресата, время и другие существенные условия речи.

*«Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их*

*столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такие-то и такие-то. Когда это должным образом разобрано, тогда и устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Кто достаточно все это продумал, тот станет наблюдать, как это осуществляется и применяется в действительности... Когда же он будет способен определять, какими речами какого человека можно убедить, тогда при встрече с таким человеком он сразу может распознать его... Сообразив все это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться. Все изученные виды речей... ему надо применять вовремя и кстати, только тогда и никак иначе его искусство будет прекрасно и совершенно».*

Таким образом, можно сделать вывод о риторическом идеале Сократа: в нем истина и мысль главенствуют как основные принципы речи, добро и правда не менее важны, а красота речи понимается как ее гармония и порядок.

Помимо названных, в V-IV вв. до н.э. было еще несколько ораторов, вошедших в историю своими выступлениями. Греческие ученые эпохи эллинизма из большого числа известных им ораторов выделили «канон» десяти ораторов, как наиболее замечательных; в него входили Антифонт, Андокид, Лисий, Исей, Исократ, Демосфен, Гиперид, Ликург, Эсхин и Динарх.

Лисий (ок. 445 до н. э) – афинский оратор, логограф, ученик софистов. Выступал с судебными речами и писал речи для других лиц. Всего ему приписывалось в древности до 400 речей, но до нас дошло только 34, причём не все из них подлинные. Подавляющее большинство сохранившихся относится к жанру судебных, но в сборнике мы находим и политические, и даже торжественные речи — например, надгробное слово над телами воинов, павших в Коринфской войне 395—386 годов. Характерные черты стиля Лисия чётко отмечаются древними критиками. Изложение его просто, логично и выразительно, фразы кратки и построены симметрично, ораторские приёмы изысканны и изящны. Лисий заложил основу жанра судебной речи, создав своеобразный эталон стиля, композиции и самой аргументации — последующие поколения ораторов во многом ему следовали. Особенно велики его заслуги в создании литературного языка аттической прозы. Мы не найдем у него ни архаизмов, ни запутанных оборотов; последующие критики (Дионисий

Галикарнасский) признавали, что никто впоследствии не превзошёл Лисия в чистоте аттической речи. Живым и наглядным делает рассказ автора обрисовка характера — причем не только характера изображаемых лиц, но и характера говорящего лица (например, сурового и простодушного Евфилета, в уста которого вложена речь «Об убийстве Эратосфена»).

Демосфен (384 г. до н. э., Афины — 322 г. до н. э.) — один из знаменитейших ораторов древнего мира, деятельность которого завершает классический период греческой риторики. Главным учителем его в красноречии был Исей, по некоторым известиям, Демосфен был также ревностным учеником Платона и Сократа. С юных лет Демосфен, мечтая о славе оратора, взял себе за образец Перикла и прилежно изучал Фукидида, переписав его восемь раз собственноручно. Речи Демосфена называют «зеркалом характера». Он не был ритором, не любил придуманных украшений, но действовал на слушателей силой убеждения, логикой, строгим развитием мысли, кстати употребляя доводы и примеры. Язык его величествен, но прост, серьёзен и приятен, сжат, но вместе с тем удивительно плавен. Он достигал успеха не стремлением к эффектам, но нравственной силой, благородством мысли, любовью к родине, её чести, её славе и её прошлому. Обличительные речи Демосфена были едкими и желчными, за что, по сообщению Плутарха, современники прозвали оратора аргом (др.-греч. «змея»).

Исократ (436 до н. э. — 338 до н. э.) — знаменитый афинский ритор, ученик Горгия и других софистов, перенявший от них представление о хорошей речи. Славу и богатство доставила Исократу преподавательская деятельность, сначала на Хиосе, потом в Афинах, а также составление сочинений наставительно-политических. Об одном и том же предмете говорить на разные лады, подновлять старое, новому придавать печать старины, великое уничтожать, ничтожное превозносить — таково, по словам Исократа, назначение речи. Период увлечения чудесной силой слова ознаменовался быстрыми успехами в разработке грамматики, в выяснении различных стилей и т. п. Усилиями Исократа завершено было развитие аттической прозы и приспособление её для разнообразнейших видов литературы не одних афинян, но и всех эллинов. Влияние Исократа перешло в Рим, отразившись на цicerоновской прозе, а через последнюю проникло в книжную речь новых народов. Не обращаясь за украшениями к поэтической речи, избегая всего вычурного и напыщенного, Исократ довольствовался в своих уроках риторики и в

составлении образцовых произведений теми средствами языка, какие были для всех доступны в живой речи современных ему афинян. Периодическая речь, гармоническая, тщательно отделанная в своих составных частях, была впервые создана Исократом и преподана многочисленным его ученикам. Его идеалом была речь легкая и изящная, которую простой человек поймет, а знаток оценит.

Дальнейшее развитие риторики связано с именем древнегреческого философа Аристотеля (384—322 до н.э.), автора многочисленных философских сочинений в области логики, этики, а также знаменитого фундаментального труда «Риторика». Вначале он был слушателем в Академии Платона, затем преподавал в ней, став равноправным членом группы философов-платоников. Известен и как воспитатель. В течение нескольких лет был воспитателем Александра Македонского. В основанной Аристотелем школе преподавание осуществлялось дифференцированно, удовлетворяя запросы разных категорий учеников. Известно, что утром он в тесном кругу ближайших учеников вел строго научные занятия. После обеда читал общедоступные лекции для всех, кто желал его слушать. Противники опасались его речей, всегда логичных, стройных, остроумных, порой саркастических. Сочинения Аристотеля представляют нам образ человека с глубокой, искренней любовью к правде, отчетливым пониманием действительности со всеми ее сложными противоречивыми взаимоотношениями.

Риторика Аристотеля – это философская риторика, которая соединила в себе практичность с философским обоснованием. В основу его риторики были положены понятия о благе и справедливости, учение о доказательствах разработано по образцу логики, учение о возбуждении страстей – по образцу этики; учение о словесном выражении, самое важное для традиционной риторики, оказалось самым маловажным для Аристотеля и свелось к систематизации приемов практической (исократовской) риторики с точки зрения главного требования к речевому стилю: ясности [Гаспаров 1972: 12]. Аристотель считал, что эстетическое в риторике неразрывно связано с этическим, и одной из главных задач риторики он видел прославление прекрасного как категории этического начала: прекрасно то, что делается человеком не только для себя, но и для других людей, т.е. ради добра и морали. Более всего Аристотель ценил речь динамичную, логически безупречную и столь же безукоризненную и строгую по форме.

Между тем, как искусство речи развивалось, а разные концепции сталкивались между собой, в истории Греции наступала новая эпоха: эллинизм. Интенсивность общественной жизни падает, личность «уходит в себя». Судебные и политические речи перестают играть решающую роль, на первое место выходит торжественное красноречие, «пышно расцветают «цветы красноречия» [Михальская, 2002: 457]. В соответствии с этим меняется и представление о хорошей речи. «Политическая речь стремится прежде всего убедить слушателя, торжественная речь – понравиться слушателю. Там важнее всего была сила, здесь важнее всего красота. И греческое красноречие ищет пафоса, изыска, пышности, блеска, в речах появляются редкие слова, вычурные метафоры, подчеркнутый ритм, ораторы стараются щегольнуть всем арсеналом школьных декламаций <...> Позднее, когда приевшаяся пышность нового стиля стала ощущаться как упадок красноречия после древнего величия, возникло мнение, что причиной этого упадка было перемещение аттического красноречия на Восток, в среду изнеженных жителей греческой Азии; отсюда за всем новым стилем закрепилось наименование «азианство» [Гаспаров 1972: 13]. Такая эволюция однако была связана не только с географическим и этническим перемещением: новый стиль был подготовлен всем развитием классического стиля – от простоты и скромности Лисия к богатству и сложности Демосфена.

Эллинские школы высоко ценили теорию красноречия и продолжили активно ее разрабатывать. Это было связано с тем, что торжественные речи, в отличие от политических и судебных, которые требовали большую ориентацию на конкретные обстоятельства дела, можно было подготовить и просчитать заранее. «Высшим достижением риторической теории эпохи эллинизма была система «нахождения», разработанная Гермагором около середины II в. до н. э.: Гермагор сумел свести все многообразие судебных казусов и соответствующих им мотивов в речах к единой схеме видов и разновидностей, необычайно разветвленной и сложной, но логичной, точной и ясной» [Там же: 14]. В таких классификациях риторы опирались на опыт логики – классической аристотелевской и позднейшей, разрабатываемой стоиками. Эллинская школа, восприняв от предшественников культ слова и заботу о красоте речи, все больше отходила от гуманистического идеала и сосредотачивалась на искусстве слова в ущерб искусству мысли. «В этих риторических школах постепенно вырабатывался тот тип ратора-краснобая, ремесленника слова, способного говорить обо всем, не зная ничего,

который стал впоследствии таким распространенным и навлекал насмешки лучших писателей эпохи Римской империи» [Там же].

Во II в. до н. э. на сцену античной культуры вышел Рим, ораторское искусство в котором традиционно высоко ценилось. «Считалось, что как на войне римлянин служит своему отечеству с оружием в руках, так в мирное время он служит ему речами в сенате и народном собрании. «Vir bonus dicendi peritus» – «достойный муж, искусный в речах», – так определяет идеал древнего римского оратора Катон Старший» [Там же: 15]. Понятие «достойный муж», прежде всего, обозначало аристократа, а риторический идеал был тесно связан с идеалом политическим. Когда же наступил бурный век гражданских войн, политический строй был поколеблен, Рим пришел к новому красноречию, которое по греческому образцу было действенным и демократическим. Вскоре ораторы и риторические школы приобрели такое влияние, что обеспокоенный сенат стал принимать меры – школы закрывались, риторы изгонялись, что однако не мешало жителям Рима выезжать вслед за учителями.

Именно в это время римский всадник Марк Туллий Цицерон обучался ораторскому искусству у греческих академиков Филона и Антиоха. Ученик оказался настолько сильным, что впоследствии его имя стало синонимом искусного оратора. «Труднее сказать короче, чем Цезарь, и пространнее, чем Цицерон», – говорили римляне.

Цицерон с молодых лет строил политическую и юридическую карьеру – он был квестором, эдилом, претором, а в 63 году до н. э. был избран на должность консула, будучи первым за предыдущие 30 лет «новым человеком», достигшим этого поста. И с самого начала своей деятельности он активно выступал с политическими и судебными речами. Наиболее известные из них – речи против Катилины, «филиппики» против Марка Антония и др.

Однако его политическая судьба сложилась непросто. Высшим его желанием было воплотить политический идеал греческих философов в римском государстве. Идеал этот требовал общественного равновесия и равного удовлетворения всех противников, законности и традиции. Время гражданских войн нуждалось в вождах решительных и смелых, которые не боялись рвать с политическими условностями и идти на любые крайности. Цицерон таким вождем так и не стал и оказался одиночкой.



Индивидуальный духовный склад Цицерона также содействовал его политическому одиночеству. «Он не был прирожденным политиком, у него не было наследственного навыка и опыта в политической игре, как у сенатской аристократии; вместо этого у него был широкий философский кругозор и высокие представления о долге перед государством и человечеством <...> Равновесие частных интересов вокруг заботы об общем благе и стало политическим идеалом, которому Цицерон посвятил все свои труды. «Согласие сословий» или, вернее, «согласие всех частных граждан» было его программой: в годы самой жестокой междоусобицы он выступил с лозунгом всеобщего примирения» [Там же: 26]. Не осуществив свои политические планы, Цицерон отдался углубленному изучению и описанию ораторского искусства, которые вылились в создание величайших риторических трактатов.

Глубиной разработки теории ораторского искусства, знанием и мастерским владением им Цицерон в значительной мере обязан своей активной практической деятельности. Он соблюдал существующие правила с той точностью, какой этого требовали обстоятельства. Когда было нужно, он с легкостью пренебрегал ими, демонстрируя разумную гибкость, большую творческую свободу и искусность. Он утверждал, что «говорить стройно и складно, но без мыслей есть недостаток разума, а говорить с мыслями, но без порядка и меры слов есть недостаток красноречия».

Цицерон исходит из трех основных назначений ораторского искусства: учить, услаждать и побуждать. Идеальный оратор тот, кто в своих речах и поучает слушателей, и доставляет им наслаждение, и подчиняет себе их волю. «Оратором может быть, говорил Цицерон, только добродетельный человек. Он должен быть воспламенен, как молния, быстр, как поток, силен, как буря. От оратора требуется искренность. Это внутреннее чувство придает силу его словам» [Грановская, 2004: 169].

Для сочинений Цицерона характерна тесная связь риторики с политикой. «Если разделить теоретические сочинения Цицерона на несколько циклов, то диалог «Об ораторе» окажется принадлежащим одновременно к двум циклам: во-первых, к риторической трилогии «Об ораторе» – «Брут» – «Оратор», во-вторых, к политической трилогии «Об ораторе» – «О государстве» – «О законах». Перед читателем «Об ораторе» обычно выступает в составе риторической трилогии, но связь этого сочинения с политическими произведениями едва ли не столь же важна» [Гаспаров, 1972: 34]. Синтез

политической и риторической мысли выливается в синтез торического и общественного идеала: «Возвращаясь к политическому идеалу Сципиона и Катона, Цицерон возвращается и к риторическому идеалу той же поры – его оратор не кто иной, как *vir bonus dicendi peritus*, для него красноречие имеет цену только в сочетании с политической благонадежностью, а само по себе оно есть опасное оружие, одинаково готовое служить добру и злу» [Там же: 35]. Когда между благонадежностью и красноречием происходит разрыв, это всегда оказывается пагубно для государства – таков риторический и политический идеал Цицерона, его нравственная составляющая.

Идеал философа-политика Цицерон видел в греческих ораторах – Демосфене, Перикле, Алкивиаде и Критии и др. Открыто он прославляет и софистов – Горгия, Гиппия и др. Поражение софистов Цицерон оплакивает, т.к. видит в нем причину разъединения философии и красноречия, возвращение к единству которых он считал «залогом общего блага». «Цицерон стремится совместить Платона с софистами, Аристотеля с Исократом, глубину с широтой, созерцательность с действенностью» [Там же: 36]. Будучи приверженцем философской риторики, Цицерон активно выступал против ораторов-ремесленников, которых выпускали на форум риторические школы. «Для идеального оратора слово – венец всех знаний, для ритора-ремесленника слово – свобода от всех знаний» [Там же: 37]. Цицерон критикует существующую систему риторического обучения с двух точек зрения: во-первых, за отсутствие теоретических, философских основ, во-вторых, за отсутствие практического жизненного опыта. Только соединение красноречия с философскими знаниями и опытом создаст политического вождя: одна риторика здесь бессильна.

Эстетически идеал речи Цицерон видел в размеренности, ритмичности и умеренной формальной красоте. «Риторический идеал Цицерона – идеал философа-стоика: все страсти подавить, безобразное в мире игнорировать, наслаждаться красотой не только и не столько истины, сколько формой (речи). Никаких «резких движений»: лучше размеренное, плавное течение в меру украшенного слова. Именно поэтому период – ритмизированная, гармонизированная фраза – стал предметом пристального внимания Цицерона как теоретика риторики и излюбленной риторической фигурой Цицерона-практика, Цицерона-оратора. Для Цицерона гармония в речи, в слове – это результат

подавления аффектов, торжество ритма, принципиального игнорирования всяких крайностей и темных сторон жизни» [Михальская 2002: 458].

Падение республики в Риме вновь вызвало «упадок риторической мысли и расцвет ее формы». Новый стиль делает акцент на внешнюю эффектность. Знаменитым представителем нового стиля является Сенека Старший («Кontroверсии», «Свазории»). Позже «новый стиль» сменился классицизмом. Один из известнейших его носителей Марк Фабий Квинтилиан – педагог-ритор, основным тезисом которого было утверждение «Тот, кто хочется стать хорошим оратором, должен стать сначала хорошим человеком».

Несколько веков спустя в римской риторике начался период «второй софистики» (II – III вв.). Подготовили ее появление Плутарх, который приводит в «Параллельных жизнеописаниях» вымышленные речи греков и римлян, Дион Хризостом, философ-киник и оратор, писатель Апулей. Речи этого периода испытывали на себе сильное влияние восточного «азиатского» стиля.

**Итак, риторический идеал античности характеризуется следующими чертами:**

- 1) Действенность ораторской речи, возможность ее применения с целью изменения окружающей действительности;
- 2) Высокая разработанность и ценность языковой составляющей, что положило начало филологическому и собственно риторическому знанию;
- 3) Стремление к соединению, синтезу и в то же время разделению философского и «технического» риторического знания;
- 4) Слияние эстетики и этики речи: «что благостно, то и красиво»;
- 5) Космос как системообразующий принцип, легший в основу эстетических представлений о речи, частные его категории – мера, симметрия, ритм и гармония.

### **Средние века и Возрождение**

Средневековье традиционно считается «темными временами», когда «свободные» искусства и науки никак не развивались, а вся интеллектуальная деятельность сосредоточилась вокруг веры и религиозных институтов и была подчинена одной общей задаче – прославлению Бога, распространению религии и ее защите. Стоит учесть, что средневековый человек во многом еще оставался язычником. Христианские и варварские

представления сосуществовали и боролись в его душе и мировосприятии. Поэтому христианская церковь, пытаясь утвердить свое господство, использовала для этой цели любые средства, и, прежде всего, религиозное проповедничество, которое в классический период античности отсутствовало. Проповедник в средние века и является наиболее типичным оратором, а риторика становится "служанкой богословия".

Была создана наука о христианском ораторском искусстве, достигшем блистательного развития в IV и V веках н. э. Античная риторика была почти полностью усвоена в это время и пользовалась большим уважением, входя в число семи «избранных наук». Она становится искусством украшения речи, в основном – богослужебной и политической. Все главные творцы и распространители православного учения, прежде чем начать свои гомилетические действия, проходили обучение у языческих раторов. Риторика стала играть важную роль в проповеди, особенно высоко ценилась техника аргументации. «Техника аргументирования применялась уже не в целях создания сиюминутных мнений толпы, но для распространения истины христианской веры и тем служила задачам развития и утверждения духовной морали» [Рождественский 2005: 107]. Теперь риторика обращена не только к устным, но и к письменным текстам.

В теоретическом смысле средневековая риторика почти ничего не прибавляет к античным разработкам, держится правил Аристотеля и поздних теоретиков (на Западе — Цицерона) и лишь перерабатывает их в расчёте преимущественно на сочинение писем (посланий) и проповедей. Повсеместно происходит ужесточение требований к соблюдению этих правил. Что касается раннего средневековья в Западной Европе, то достаточно назвать два-три имени: испанского архиепископа Исидора Севильского (560-635), англосаксонского летописца и монаха Беды Достопочтенного (673-735), а также Юлия Руфиния. В их трудах систематизирован перечень фигур, упорядочена терминология. В Византии приёмы риторики ближе всего подходят к азианизму, и в таком виде эта наука передаётся и Древней Руси, где художественные образцы её влияния мы можем видеть в произведениях митрополита Иллариона и Кирилла Туровского.

Одним из самых выдающихся представителей западной ветви духовного красноречия был Аврелий Августин (Блаженный) (354-430 гг.). Наиболее выдающийся «учитель Запада» начинал как ритор: Августин в отрочестве учился в Карфагене (столице римской Африки) главной науке того времени - риторике, без овладения которой

невозможно было участвовать в общественной жизни, выступать в суде, торгуя, по словам Августина, "красивой ложью" и "победоносной болтливостью". Там же в 374 г. он начал преподавать риторику и стал одним из самых известных ораторов. Через некоторое время Аврелий приезжает в Италию, где продолжает преподавать риторику.

После десятилетнего пребывания в манихейской общине Августин покинул ее и стал неоплатоником, а затем под влиянием проповеди епископа Амвросия Медиоланского, у которого он принял крещение в 387 г., - христианином. Возвратившись в Африку, Аврелий продал все свое имущество и обосновался с группой христиан в Тагасте, чтобы в бедности вести молитвенную жизнь. В 391 г. епископ североафриканского города Гиппона, вняв просьбам верующих, рукоположил Августина в священнический сан, а затем доверил и проповедь. Вскоре Августин стал его ближайшим полноправным помощником, а в 395 г. унаследовал епископскую кафедру. До самой смерти он вдохновенно проповедовал и яростно боролся против еретических течений своего времени.

Предметом постоянных забот Августина Блаженного было обращение языческой мудрости, произведений древних авторов на утверждение и культурное обогащение христианства. Августин не изжил до конца и не мог изжить в себе человека, воспитанного на лучших достижениях античности. Будучи прославленным своим благочестием и аскетизмом епископом Гиппона, в одном из своих писем он напишет любопытную вещь, рассуждая об апокрифическом Евангелии, в котором описывается вознесение Христа на небо в сопровождении ветхозаветных пророков и патриархов. К сонму вознесенных вместе Христом Августин Блаженный хотел бы приобщить Платона, Цицерона и Вергилия, которые предчувствовали, по его мнению, Бога-спасителя, "Не только среди ораторов и поэтов, которые презирали и выставляли на посмешище своих фальшивых богов и их деяния, были исповедовавшие единого Бога. Но и среди тех, кто заблуждался относительно почитания Бога и воздавал хвалу миру, а не его Создателю, были, без сомнения, люди, которые жили честно, подавали прекрасный пример чистоты, бескорыстия, воздержаниям. Обращает на себя внимание тот факт, что к числу этих "праведников" Августин причисляет и оратора Цицерона. Но это неудивительно, ведь епископ считал, что для религиозного образования и понимания достоинств христианской литературы необходимо знакомство с грамматикой, риторикой, диалектикой,

математическими науками, историей. Эти дисциплины не уводят от познания Священного Писания, но, напротив, приводят к нему. Таким образом, целью риторики является обязанность познания истины как постижения сути теоцентризма.

Главная заслуга Блаженного Августина в том, что он попытался, осуществить синтез античной культуры и христианства, без которого новая религия никогда бы не стала общеевропейской, а потом и мировой.

Начало практического формирования византийского духовного красноречия относится к IV в. У его истоков стоят такие знаменитые ораторы и проповедники, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин и Григорий Нисский.

Подъем христианского ораторского искусства Византии можно объяснить двумя причинами: во-первых, обострением борьбы между язычеством и побеждавшим его христианством, которое постепенно стало оказывать всё большее влияние на политическую и духовную жизни империи; во-вторых, общим "падением" образованности, результатом которого стало снижение воспитательного значения литературы и театра; в связи с этим особое значение приобрела живая речь с ее приёмами прямого и эмоционального обращения к человеку, массе.

Особое место в оформлении восточной ветви духовного красноречия занимают "три великих каппадокийца" - Василий Кесарийский, прозванный "Великим", Григорий Назианзин и Григорий Нисский.

Василий Кесарийский (329 - 379 гг.) - крупнейший церковный деятель эпохи, во многом подготовивший и обеспечивший победу православия в Византийской империи. Будучи сыном ритора, он с детства готовился унаследовать ту же профессию. После школы своего отца Василий учился в Кесарии Палестинской, Константинополе, Афинах. Вскоре он стал одним из лучших мастеров риторики. Его отличали точность и четкость стиля, выработанные при написании судебных речей. Вклад Василия Кесарийского в развитие византийского духовного красноречия велик: как систематизатор он жестко и определенно разделил христианские речи на экзегетические (толкование Писания), катехитические (морально-наставительные) и панегирические.

К экзегетическим сочинениям Василия принадлежит знаменитый "Гексамерон" - "Шестоднев" (девять бесед на шесть дней творения), пользовавшийся огромной популярностью в средневековом мире - как в Западной Европе, так и на Руси. Именно это

произведение знаменует собой новый этап в становлении христианской мысли. Оно свидетельствует о способности Василия смело использовать для обоснования христианской доктрины огромное наследие античного естественнонаучного знания и умения опереться как на неоплатонические идеи, так и на традиционные теории (Аристотель), поставив при этом превыше всего веру. Уже в этих беседах проявляются характерные черты риторического стиля Василия Кесарийского: простота и серьезность тона, расчленение материала, облегчающее его понимание (каждая беседа, кроме преамбулы и заключения, распадается на небольшие разделы; четко поставленные вопросы и ясные ответы). Остроумные житейские сравнения (из области домостроения, кораблестроения или из жизни купцов, странников), антитезы, метод доказательства от противного - таковы приёмы, которыми блестяще владел Василий.

Значительная часть катехитических речей (морально-нравственных проповедей) посвящена изобличению человеческих пороков: гнева, зависти, пьянства и др. Здесь образцово развивается ставшая традиционной тематика христианских назиданий - о преимуществах скромной жизни, призрачности богатства, о необходимости милосердия и т.п. В этих проповедях речь иногда грубовата, но доступна для понимания любому слушателю. В центре внимания проповедника не внешняя красота слога, а смысл, постижению которого только и должны служить риторические приемы.

В проповедях епископа отчетливо проявляются некоторые новые черты и тенденции, характерные именно для христианского красноречия: стремление не выпячивать саму личность автора, что расценивалось как "языческое тщеславие". Величие сюжета и темы, ее самостоятельная значимость делали неуместным стремление демонстрировать свое ораторское искусство, ибо главной целью было дать слушатели духовную пищу и добиться, чтобы он ее усвоил. Поэтому Василий требовал, чтобы слушатели во время проповеди перебивали его, спрашивали, что им непонятно: "Вы сидите вокруг меня как судьи, не как ученики". Проповеди Василия Великого написаны точным и ясным языком. Он заблаговременно готовил их, но сознательно писал в такой манере, чтобы они производили впечатление импровизации.

Вершиной восточного духовного красноречия является творчество младшего современника "великих каппадокийцев" Иоанна Златоуста (ок.350 - 407 гг.), в

произведениях которого усвоение традиций античной культуры христианской церковью достигло полной классической завершенности.

Иоанн родился и вырос в сирийском городе Антиохия, крупном культурном центре Византийской империи, где скрещивались традиции самых разных народов. Риторике Иоанн обучался в школе известного оратора Ливания (314-393 гг.). Недолгое время Златоуст пробыв адвокатом, что позволило ему в подробностях изучить нравы и обычаи антиохийского света, в который он был вхож по роду своей деятельности. Важным событием в жизни Иоанна стало крещение, принятое им от епископа Антиохии Мелетия, который стал его учителем в христианском богословии. Затем он отправился в пустыню и провел 4 года в постах и молитвах. По возвращении в Антиохию Иоанн принимает сан диакона и начинает выступать с проповедями, собирая обширную аудиторию. В 398 г. Златоуста назначают епископом Константинополя. Его обличительные проповеди против развращенного высшего света и призыв к скромному образу жизни вызвали ненависть двора и состоятельных граждан. "Многие осуждают меня, – говорил он, – за то, что я нападаю на богачей, но зачем они несправедливы к бедным? Обвиняю не богача, а хищника. Ты богат? Не мешаю тебе. Но ты грабитель? Осуждаю тебя. И богачи, и бедняки – равно мои дети".

Иоанн был не только блестящим, но и исключительно плодовитым оратором: ему принадлежит около 1000 проповедей. Его речи отличала филигранная отделка формы и содержания. В его риторической манере слились в органичный сплав лучшие черты античной риторики и новые, типично христианские. Златоуст не отказывается от аттицизма, но после 387 г. он дополнил его пышностью и сочностью азианства. Его стиль отличается прозрачностью и легкостью, натуральностью изложения, четко расставленными смысловыми акцентами, большой точностью и емкостью примеров, тонкостью моралистических наблюдений,

Постоянный контакт со слушателями обеспечивала виртуозно разработанная система использования примеров, вызывающих возражения, риторических вопросов как от себя, так и от лица слушателей, Многочисленные анафоры, восклицания, вопросы, прямые обращения к аудитории, совершенство прозаической ритмики, наконец, общая продуманность, выдержанность, последовательность тона придавали его речам потрясающую экспрессивность и эмоциональную выразительность. Прерывающийся



ритм, отрывистые фразы – всё это делало манеру Иоанна страстной, нервной, захватывающей. Именно соединение простоты и ясности речи с высокой степенью экспрессии, эмоционального воздействия и сделали его "Златоустом" христианского мира.

Речи Иоанна характеризуются соединением простоты и величия, которое становилось все более необходимым для подтверждения авторитета церкви, возвеличения ее героев и подвижников, взволнованности и «евангельской нежности», что углубляло и делало более интимным контакт с аудиторией. «Долго молчал я, – говорит он в проповеди после возвращения с переговоров с Гайной, предводителем восставших готов, – и вот опять, после немалого времени, пришел к вашей любви. Ибо я общий для вас всех отец, а забота моя не только о стоящих твердо, но и о падших, не только о тех, кого несет попутный ветер, но и о тех, кого захлестывают волны, не только о тех, кто защищен, но и о тех, кому грозит опасность». Характерно и его обращение к своей пастве по возвращении из ссылки: «Вы мои братья; вы моя жизнь; вы моя слава!».

В XII-XV вв. в Европе по-прежнему доминировало духовное красноречие. Риторика носила схоластический характер. Был высок авторитет античных раторов, особенно ценились Аристотель и Цицерон. Однако кризис риторики начинается именно в эпоху Возрождения, с воскрешением судебного и парламентского, с появлением торгового красноречия, полемической заостренностью академического, с возникновением "моды" на яростную письменную полемику. Рост реальных потребностей обнажает практическую несостоятельность претензий риторической науки. Оценивая состояние риторики в средние века, нужно сказать, что она страдает тем же главным пороком, что и античная. Ее рецепты не дают закономерного эффекта на практике. "Добросовестные ученики" по-прежнему спрашивают: почему успех достигается только очень талантливым или очень хитрым оратором, в то время как обыкновенные честные люди не могут увлечь за собой своих слушателей. К тому же происходит сдвиг от риторики, с ее акцентом на возможное знание, к логике, с ее акцентом на строгие доказательства и истину, и сдвиг от воспринимаемой на слух устной аргументации к воспринимаемой визуально письменной демонстрации [Михальская, 2008: 40].

В конце XVI в. в Англии появляются быстро ставшие популярными "Сад красноречия" Генри Пичема, "Искусство английской поэзии" Джорджа Путтенхема. Во Франции в этом же направлении идут искания всемирно известного поэта и теоретика

классицизма Никола Буало. В XVIII в. в Англии и Франции, правда, еще появляются, но быстро исчезают из научного обихода риторики Г. Хоума, Дж. Кемпбелла, Х. Блера, Батте, Лагарпа, Дюмарсе. Также следует упомянуть о немецком филологе, профессоре греческого и латинского языков Филиппе Меланхтоне (1497 – 1560).

Во Франции в XV в. развитие литературы возродило интерес и потребность в риторике, хотя французская филология долгое время была антириторична. В XV в. риторика стала оказывать влияние на формирование религиозных, этических и политических идей. Традиционному, утвердившемуся с XIII в. мнению, что христианская истина должна выражаться в простой и ясной форме, противопоставляется античная концепция союза риторики и мудрости. В XVI в. во Франции высоко ценились античные образцы, труды античных авторов становятся эталоном для ораторов, и то, что трудно высказать по-французски, рекомендовалось передавать по-латыни, заимствуя обороты у древних.

**Риторический идеал Средневековья характеризуется следующими качествами:**

- 1) Преемственность речевого идеала Античности;
- 2) Наиболее важной чертой хорошей речи Средневековья можно считать главенство христианской этики над техникой (аргументацией) и эстетикой речи;
- 3) Неизвестный античности жанр проповеди требует особенного подхода к техническому и словесному оснащению речи; ораторская речь отныне начала служить задаче распространения истины христианской веры, развития и утверждения духовной морали;
- 4) Основным требованием к эстетической и языковой стороне речи стали не только ее внешняя, формальная красота и изящество, но и к тому же правильность, безошибочность, ибо «душа наша тем лучше будет понимать, что нужно делать, чем правильнее будет язык хвалить Господа, не оскорбляя его ошибками» (так говорится в Указах Карла Великого) [Михальская 2002: 460]. Космос сменяется Богом, господствует концепция божественного происхождения красоты, который проявляется в эстетическом аскетизме; речь хороша, если она проста и ясна;

- 5) Эстетика Возрождения продолжает античные традиции; прекрасное отождествляется с нравственным и справедливым. Внешняя красота считается атрибутом добродетели.

### **Древняя Русь**

С ораторской прозой Русь познакомилась в конце X – начале XI в. на примере лучших образцов византийского и южнославянского красноречия. Теорию красноречия древнерусские книжники заимствовали из Византии, где существовала целостная и стройная система ораторских жанров. Творчество таких замечательных византийских ораторов, как Василий Великий, Иоанн Златоуст и других, оказало большое влияние на развитие южнославянского красноречия, на вдохновенные речи Константина Философа, Иоанна, экзарха Болгарского, Климента Охридского. Киевская Русь, по существу, явилась наследницей греко-славянской риторической традиции.

В ораторской прозе Древней Руси можно выделить две разновидности: красноречие дидактическое (учительское) и панегирическое (торжественное). Каждому из них соответствуют свои тематика, язык, художественные средства. Дидактическое красноречие обычно преследовало цели морального наставления, информации, объяснения новых понятий. Ораторы, ориентируясь на нуждающихся в поучении простых людей, стремились говорить просто, безыскусно, почти не прибегая к цитированию авторитетных источников. В этих сочинениях содержались требования скромности, трудолюбия, заботы о семье и родителях, стремления к знаниям, отвращения от пьянства и т.д. Таким образом, ораторы ставили перед собой серьёзные задачи воспитания высоких моральных качеств и идеалов гражданского служения. Памятники панегирического красноречия были приурочены к знаменательным датам церковной истории или посвящались событиям государственного значения – успешному походу против врага, строительству собора и т.д. В пределах избранной темы древнерусские авторы зачастую затрагивали важные вопросы внутренней и внешней политики, государственного устройства, церковной и светской власти. Эти произведения обращены прежде всего к образованным людям, которые способны постичь глубину идеи, оценить искусство

мастера в разработке темы, насладиться красотой стиля, торжественного и витиеватого. Это достигалось применением сложных тирад, синтаксических конструкций, ораторы часто прибегали к игре однокоренными словами, вопросно-ответной форме изложения, риторическим вопросам и восклицаниям, использованием всевозможных тропов.

Классификация жанров древнерусского красноречия сложна, но наиболее распространенными были поучение (для дидактических сочинений) и слово (торжественное красноречие).

Наиболее выдающимися представителями древнерусского красноречия были митрополит Иларион, Лука Жидята и Кирилл Туровский.

О жизни и судьбе митрополита Илариона известно крайне мало. Он по праву считался лучшим церковным оратором Древней Руси, IX в. «Слово о Законе и Благодати» (торжественное красноречие) достойно стать рядом с лучшими произведениями византийского ораторского искусства. Митрополит, следуя правилам греко-славянского красноречия в области формы, композиции, поэтических средств, показал себя оригинальным мыслителем. Его произведение – это своего рода политическая декларация, подчеркнуто полемическое прославление Русской земли, это стройное развитие единой патриотической концепции – независимости Руси от Византии, ее равноправия со всеми христианскими странами. Например, рассказывая о принятии русским народом учения Христа, Иларион ни словом не упоминает о том, что было это сделано под непосредственным влиянием Византии. Наоборот, он утверждает, что Русь по собственному желанию стала христианской страной и не нуждается ни в чьей религиозной опеке: «Все страны благой Бог наш помиловал и нас не отверг. Возжелал – и спас нас, и в понимание истины привел».

В «Слове» воздается хвала Владимиру Святославовичу («Радуйся, во владыках апостол, не мертвых телом воскресил, но нас, душою мертвых, от недуга идолослужения умерших, воскресил! С тобой приблизились к богу и Христа – жизнь вечную – познали»), его сыну – Ярославу Мудрому, продолжившему дело отца, его славным делам, благовествующим о будущем, еще большем величии Русской земли. В заключительной части «Слова» похвала переносится на конкретно-историческое событие – завершение постройки оборонительных сооружений вокруг Киева.

В «Слове о Законе и Благодати» можно найти, пожалуй, все приёмы красноречия, к которым прибегали выдающиеся ораторы древности (метафоры, антитезы, повторы, риторические восклицания и вопросы). Есть в «Слове» и примеры ритмической организации речи: «То, что слышал ты, досточтимый, не для молвы оставил сказанное, не делом свершил: просящим подавая, падших одевая, голодных и жаждущих насыщая, больных всячески утешая, должников выкупая». Много в «Слове» цитат из Ветхого и Нового Заветов. Язык этого произведения – книжный. Как отмечал сам Иларион, произведение это не для несведущих, а для "насытившихся сладостями книжными».

Если митрополит Иларион мог позволить себе обращаться к слушателям со словами «преизрядно украшенными», то у его современника новгородского проповедника Луки Жидяты была иная аудитория. Проповедовал он в Новгороде – северном крае, где всегда с подозрением относились к словесным изыскам, характерным для Южной Руси. Летописные сведения о нем скупы. Единственное дошедшее до нас произведение этого оратора – «Поучение к братии» – первое собственно русское произведение дидактического (учительского) красноречия. Для него характерна простота языка, строгость образов: «Не ленитесь в церковь ходить к заутрене, и к обедне, и к вечерне; и в своей клети прежде Богу поклонитесь, а потом уже спать ложитесь. В церкви стойте со страхом Божиим, не разговаривайте, не думайте ни о чем другом, помолите Бога всюю мыслию, да отдаст он вам грехи. Любовь имейте ко всякому человеку, и больше к братии, и не будь у вас одно на сердце, а другое на устах, не рой брату яму, чтобы Бог тебя не вверг в худшую». В «Поучении» нет места отвлеченным философским высказываниям, стилистическим красотам. Лука хорошо чувствовал своих слушателей и понимал, что утонченные обороты способны лишь затемнить для этих людей истинный смысл евангельских истин.

Временем настоящего расцвета русского красноречия стал XII в. Самым знаменитым его представителем был Кирилл Туровский. Известно, что Кирилл, сын богатых родителей, рано став монахом-аскетом, всю жизнь занимался чтением и толкованием христианских книг. Слава о нем шла по всей Туровской земле. По предложению князя и при поддержке народа Кирилл был поставлен епископом в Турове.

Со времени крещения Руси прошло более ста лет. «Властители мира сего и люди, погрязшие в житейских делах, прилежно требуют книжного поучения», – писал Кирилл

Туровский. В то время многих верующих уже не удовлетворяло простое толкование текстов Священного Писания: они хотели получать от искусства проповедника удовольствие. Хотели слушать проповеди, составленные по всем правилам ораторского мастерства. И этим требованиям в полной мере отвечали речи Кирилла Туровского. Кирилл Туровский является автором «Притчи о душе и теле», «Повести о белоризце и мнишестве», «Сказания о чернородском чине», восьми слов на церковные праздники, тридцати молитв и двух канонов (песнопений в честь святых). Ритмичность и плавность языка, слог, насыщенный витиеватыми оборотами и изысканными сравнениями, образы, красочные, абстрактные и одновременно зримые, почти реально осязаемые, риторическая амплификация (тема словесно варьируется, развивается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках до тех пор, пока ее содержание не будет полностью исчерпано, в результате она приобретает форму замкнутого в стилистическом отношении фрагмента – риторической тирады) – таковы стилистические черты произведений Кирилла. Вот как, например, утверждал Кирилл Туровский важность духовных ценностей: «Сладки медвяные соты, и сахар – доброе дело, но добрее обоих книжный разум, ибо это сокровище вечной жизни». Если золотая цепь, унизанная жемчугом и драгоценными камнями, радует глаз и сердце видящих ее, то тем более приятна «духовная красота, праздники святые, веселящие верные сердца и души освещающие».

Обращает на себя внимание и такая особенность творчества Кирилла, как смелое объединение в одно художественное целое элементов двух культур – византийской и русской народной; двух поэтических систем – высокой риторики и устного творчества; двух языковых стихий – церковнославянской и русской. Так, в «Слове об артосе» описание весны по жизнеутверждающим, оптимистическим мотивам, постоянным эпитетам (весна красная, холмы высокие, ветры буйные и т.д.) близко к народным «веснянкам». Сопоставление ветхозаветных и новозаветных образов напоминает в «Словах» Кирилла фольклорный параллелизм, при котором толкование сложных христианских понятий переводится на народно-поэтический язык. Туровский епископ добавляет новые подробности к жизни Христа – в духе народных сказок представляет его скользящим по морю, ступающим по воздуху. С трагическими нотами русских народных причитаний перекликается горестная лирика плача Богоматери в «Слове об Иосифе».

Таким образом, опираясь на византийскую и русскую народную традицию, Кирилл Туровский создал свой неповторимый и оригинальный стиль, эстетическая значимость которого сопоставима со «Словом о полку Игореве». Современники именовали Кирилла, «Златоустом, паче всех воссиявшим на Руси», Видимо, не позднее XII в. он был причислен к лику святых, и не последнюю роль в этом сыграло его ораторское мастерство.

Как мы видим, в русской культуре хорошей считалась речь, которая обладала такими качествами, как смысловая насыщенность и устремленность к истине, нравственная устремленность к добру, и красота как «целесообразность, функциональность и строгая гармония». [Михальская, 1996: 7] В.И. Аннушкин в своем исследовании древних обозначений красноречия и риторики отмечает, что «главным в ней [науке красноречия] являлись не понятия украшения и сладкоречия, а понятия благости и доброты речи в широком христианско-этическом контексте» [Аннушкин 2003: 50]. Он приводит такие примеры, как «благоречивство», «благословесие», «благоглаголив», «благогласный», «доброречие», «добрословие». В целом, риторы Древней Руси ценили такие качества, как согласие (гармония), «добрословие», «истиннословие», способность действовать словом. Гармонизированность древнерусского риторического идеала, нацеленность на истину восходит к риторическому идеалу сократического типа и свои корни имеет в традиции Платона и Сократа.

Важной особенностью русского риторического идеала является «диалогичность по содержанию» и субъект-субъектные отношения между говорящим и адресатом [Михальская 1996: 173]. Помимо сократовской традиции, лежащей в основе, эта особенность русского риторического идеала получает культуроспецифичное национальное обоснование: корни ее лежат в восточно-православной речемышлительной культуре, которой присуще «общежитие» и соборность и которая противопоставлена в этом плане западно-католической культуре с ее индивидуализмом и стремлением к самоутверждению. «Выставить свою самородную особенность – главная цель речи в риторическом идеале западноевропейских культур, например, английской, русского наблюдателя поражает эта, с его точки зрения, замкнутость, изолированность людей...» [Там же: 174].

Следующая важнейшая черта русского риторического идеала – его гармонизирующий характер. Гармония проявляется в категориях порядка, меры, ровности, симметрии. Здесь также проявляется связь русского риторического идеала с классической античной эстетикой. Наряду с симметрией и упорядоченностью, русский риторический идеал также включает этические категории смирения, скромности, кротости в речи и в речевом поведении. В этих категориях находит свое отражение влияние православной веры на речевую практику, которая закрепились в речи. «Не борьба и победа, но гармонизация и примирение, не самодемонстрация, но согласие голосов в хоре жизни, не вопли и крики, но ровность и выдержанность, не «Закон» и «право», но долг и «Благодать», не замыкание в себе, но открытость миру и единство с ним, не примат логики и ratio, но примат интуиции, не анализ, но синтез – вот основы русского риторического идеала, его гармонизирующей сущности» [Там же: 177].

Третьей характерной чертой русского идеала речи является правдивость. «Категория правды есть единство двух категорий – истинности речи (соответствия ее онтологии, сущему, объективному «положению дел») и добра, понятого не как индивидуальная выгода, но как общественное благо» [Там же: 185]. Такое понимание добра и блага встречается еще у Платона в диалоге «Горгий». Можно утверждать, что русский риторический идеал «положительно-онтологичен».

Таким образом, русский риторический идеал исторически сформировался и содержал в себе такие черты, как правдивость, кротость, смирение, умеренность, ровность, сдержанность. Предпочтение отдавалось безмолвию, умиротворению, похвале.

**Древнерусский риторический идеал отличался следующими чертами:**

- 1) Преемственность античной и византийской риторической традиции с существенным добавлением оригинального компонента;
- 2) Как и в Европе, древнерусская риторическая традиция опирается на христианскую веру и берет ее этические и эстетические принципы за руководство, «Божественная природа» слова;
- 3) Гармония без излишней украшенности как ведущий эстетический принцип, действенность как ведущий технический принцип;
- 4) Правдивость и утверждение истины в основе этики древнерусского оратора;



- 5) Диалогичность как проявление национально специфических черт взаимодействия русского народа (соборность).

### **Риторический идеал XVII – нач. XX вв.**

В XVII в. интерес к риторике в Европе огромен. Поскольку вся жизнь человека сообразно философии века есть только действия и слова, риторика приобретает совершенно исключительный статус. Значительно расширяется жанровый спектр, появляются новые виды публичной речи, например, т.н. светская риторика – риторика беседы, риторика загадки, риторика метаморфозы и др. Во Франции из искусства речи риторика превращается в целый жизненный кодекс, формирующий сознание дворянина, являющегося главным образцом и моделью для подражания века. [Безменова 1991: 90].

Помимо задач воспитания, на риторике нового времени были возложены новые: задачи создания и укрепления стиля речи, мысли и межперсональных отношений. Важной функцией становится нормализация языка, которую крупнейшие ученые того времени производят именно в рамках риторики. Латынь теряет свою значимость, во многих странах, в том числе и в России, государственными и научными объявляются национальные языки. По-прежнему в почете труды Аристотеля и Цицерона, однако классический риторический канон уже перестает быть обязательным.

С XV в. и до XX в. риторика фактически брала на себя функции философии языка. В знаменитом труде Харриса «Философия риторики» была обозначена роль языка и речи как инструмента созидания общественных отношений и общества в целом.

Готшед, нормализатор немецкого литературного языка середины XVIII в., прямо поставил риторике на службу научной речи, обосновывая это тем, что изобретение речи в этой риторике должно вестись в соответствии с развитием научного, объективного и позитивного знания.

Огромную роль в развитии русской риторики XVIII в. сыграл М.В. Ломоносов, которого Н.М. Карамзин назвал «отцом российского красноречия». Первую краткую риторике он написал предположительно в 1743 году. Она называлась «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия». Вторую, «пространную», риторике «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносов написал по-русски, простым, доходчивым и образным языком. Первое печатное издание этой «Риторике»

появилось в 1748 году. Она представляет собой фундаментальный научный труд, определивший развитие этой науки в России не только в 18 веке, но и в последующие периоды. В нем ученый уделяет существенное внимание истории риторики, анализу мастерства лучших античных ораторов, излагает систему правил и требований, которые должны соблюдаться каждым выступающим перед аудиторией. Таким образом, М.В. Ломоносов сделал риторiku главным инструментом становления и нормализации русского литературного языка.

Конец XVIII – начало XIX в. характеризуются симптомами приближающегося кризиса общественной феодально-крепостнической системы, первыми попытками социальных реформ. В России инициатива их проведения обычно связывается с именем М. М. Сперанского. Характерная черта этого времени – нарастающий интерес к конфронтационному красноречию в сферах академической, педагогической, деловой речи. Жизнь властно предъявляет к теоретическому аппарату риторики свои практические требования. Ответом на них служат "Правила высшего красноречия" Сперанского, известные в рукописи, созданные на основе лекционного курса, который он читал в 1792 г. в Главной семинарии при Александро-Невском монастыре в Петербурге.

Взлет интереса к риторике в России конца XVIII – первой половины XIX в. имеет, однако, те же закономерные последствия, что и на Западе. С 60-х гг. в названиях учебных пособий, риторiku вытесняет словесность. При этом вслед за революционно-демократической критикой крупнейшие филологи – А. А. Потебня и А. Н. Веселовский - провозглашают основным видом словесности художественную литературу. Престиж риторики сильно падает. И это понятно. В ее научном аппарате нет механизма создания и усиления изобразительности, направленного на раскрытие психологических компонентов убеждающей речи. Престиж риторики продолжает падать, несмотря на расцвет конфронтационного по своей сути судебного красноречия, когда в золотой фонд русского ораторского искусства входят речи известнейших юристов: Петра Акимовича Александрова (1838-1893), Сергея Аркадьевича Андреевского (1847-1918), Анатолия Федоровича Кони (1844-1927), Федора Никифоровича Плевако (1842-1908), Владимира Даниловича Спасовича (1829-1906), Николая Иосифовича Холева (1858-1899). Он падает, несмотря на расцвет академического красноречия, представленного именами виднейших ученых: И. С. Сеченова, Д. И. Менделеева, В. О. Ключевского, К. А. Тимирязева, С. П.

Боткина, И. В. Склифосовского. Падают до нуля, несмотря на рост так называемого "парламентского" красноречия в России начала XX в. Prestиж старой риторики не возрождается даже в судьбоносное октябрьское время, когда ораторы увлекают под свои знамена неисчислимыe массы людей. Правда, уже в 1918 г. в Петрограде усилиями С. М. Бонди, В. Э. Мейерхольда, А. В. Луначарского, Л. В. Щербы, Н. А. Энгельгардта, Л. П. Якубовского открывается первый в мире Институт живого слова, и преподаватели этого института предлагают программы курсов лекций по теории красноречия и теории спора. Затем вплоть до начала 30-х гг. появляются и соответствующие исследования. Например, "Программа курса лекций по истории красноречия/риторики", предложенная Энгельгардтом.

Тем не менее в последующие годы создается целый ряд исследований общего воспитательно-учебного и теоретического направления, которые ставят целью помочь политинформаторам, лекторам, агитаторам овладеть основами ораторского искусства. Это книги Г. З. Апресяна, Е. А. Ножина, А. Е. Михневича, Н. Н. Кохтева, В. П. Чихачева, Д. С. Беникова и др. Продолжаются, хотя и далеко не беспристрастные, попытки оценивать социальную природу риторики. Завершая описание этого периода, особенно важно отметить, что уже в 1930 г., анализируя причины исчезновения риторики, к ее возрождению призывал академик В. В. Виноградов (1895-1969).

#### **Риторический идеал XVII – нач. XX вв.:**

- 1) Высокий престиж национального риторического знания, научное обоснование речевого идеала и вместе с тем критика традиционной риторики из-за ее бессилия удовлетворить новым требованиям речевой практики;
- 2) Усиление требований убедительности и действенности слова в связи с развитием новых форм и жанров речи;
- 3) Риторика становится сферой кодификации языковой нормы, пуристические тенденции в риторике: «борьба за «чистоту» и благородство стиля против орнаментальности стиля гуманистической литературы» [Безменова 1991: 94].

- 4) Престиж «украшенности» речи падает. Именно в это время у слова «риторика» появляется негативное значение – «красивая, но бессмысленная речь».

### **Советский риторический идеал**

XX в. стоит особняком в истории русского риторического идеала. Революция и общественные катаклизмы подвергли коренному изменению представления о хорошей речи. Исследователи отмечают, что в логосферу ворвалась борьба, агональность, которые были присущи состоянию и настроению общества в то время. «Все орали друг на друга за малейшее противоречие... Образовался совсем новый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью», - писал Бунин в дневниках, составивших книгу «Окаянные дни». «В течение почти семи десятилетий длилась и война со свободным словом. Агональная и манипулирующая риторика, риторика «борьбы и победы» завершилась почти полной победой над словом. Традиционный русский риторический идеал был вытеснен риторической моделью, полностью ему противоположной. Лишь некоторые, немногие сферы жизни, по сути, отстраненные от политической жизни, осознанно сохраняли русский речевой образец как самостоятельную ценность. Эти сферы – Церковь и, пожалуй, академическая наука» [Михальская 1996: 188]. Причины такой агональности могли заключаться в кардинальной смене культурной парадигмы, а также самой потребностью в революционной перестройке общества. Провозглашение атеизма и открытая борьба с религией не могли не сказаться на логосфере общества. Главная цель социалистической риторики заключалась во внесении в массовое сознание идеалов коммунизма и вытеснении прежних ценностей. Отсюда – риторика борьбы и соответствующие ей речевые формы и идеалы.

Именно в это время главным становится жанр пропаганды, он вытесняет жанр проповеди. «Советская культура с полным основанием может быть названа пропагандистской: с самого своего зарождения и до конца она с особым и повышенным вниманием относилась к агитационно-пропагандистской деятельности (возникает и термин для ее обозначения – «Агитпроп»), часто даже в ущерб другим видам деятельности. Результат любой деятельности ценился, прежде всего, с точки зрения Агитпропа. Система

советской словесности, соответственно, была ориентирована на пропагандистскую речь» [Романенко 2003: 31]. Чуть позже (1932 г) В.А. Гофман, советский филолог, напишет в своей работе «Слово оратора: Риторика и политика»: «Нет оснований предполагать, что ораторская форма политической речи, сыгравшая колоссальную роль в эпоху военного коммунизма – первого периода Октябрьской революции, вынуждена «посторониться» в эпоху реконструкции и социалистического строительства перед победным шествием учебника, брошюры, газеты, кино и радио. Более того, если Ленин и партийные постановления неоднократно подчеркивали возрастающую роль и ответственнейшее значение агитации и пропаганды для эпохи восстановления хозяйства; то роль и значение всех видов агитации и пропаганды неимоверно растут и ширятся в эпоху реконструкции...» [Гофман 2010: 9].

Несмотря на размах риторической практики, теория и педагогика риторики, за исключением риторического расцвета в 20-е гг., практически не развивались, а с 30-х гг. этот предмет и вовсе был запрещен. «Школы пропагандистов-агитаторов и литература для них носили сугубо формальный характер. Важным представлялся предмет речи, а не его разработка (важно, что говорится, а не как)» [Романенко 2003: 31]. В связи с этим основные категории советской риторики остались неразработанными и описанными лишь эмпирически. Поэтому риторический идеал и образ ратора приходится выявлять и восстанавливать – они существуют имплицитно. Основываясь на литературе по советской теоретической и нормативной риторике, А.П. Романенко выделяет следующие обязательные качества хорошего советского оратора, ратора-большевика: партийность, коммунистическая убежденность, правдивость, искренность, народность, оптимистичность, революционная страстность, боевитость, простота, скромность.

Также исследователь отмечает, что в советское довоенное время существовало два типа ораторов, идеалы которых олицетворяли собой Ленин и Сталин. Они формировали два разных риторических идеала эпохи. Ленинский образ опирается на этику и логос интеллигенции – «культурные свойства ратора этого типа, просветителя и руководителя пролетариата, все же были более интеллигентские, чем пролетарские» [Там же: 107]. Риторы второго типа по происхождению и культуре – люди массы: прежде всего крестьяне, рабочие и даже мелкая буржуазия. Их этика и риторика была новой, советской, от раторов первого типа ими было взято лишь то, что не носило печати интеллигентского

прошлого. Это партийные риторы, овладевшие, к тому же, различными профессиональными навыками, они пришли на смену как «спецам», так и комиссарам.

Оба типа продолжали традиции русских революционеров-пропагандистов. «Собственно пропагандистская деятельность, тесно связанная с массовой русской по языку школой, начинается с 60-х годов, организуется тайными обществами, имеющими своими источниками семейно воспитанную интеллигенцию – наследников «порядочных людей», не обеспеченных нетрудовыми доходами. Образ русского пропагандиста предполагает бескорыстие (почти монашеское), материалистического мировоззрение, товарищество в тайном обществе, борьбу за народное благо, нередко основанную на аргументах из священного писания, жертвенность, склонность принести во благо другим свою жизнь и свои труды» [Рождественский 1997: 215]. Однако риторы первого типа были ораторами – разоблачителями, обличителями, разрушителями. Их главный жизненный принцип – революционность. Риторы второго типа в функционально-риторическом отношении – управленцы. Их пропагандистская работа велась не устным словом, а документом. Сталин «в большой мере обладал талантом немногословия, и в этом отношении был уникальным человеком в стране, в которой все слишком много говорили» [Грей 1995: 80]. Образ ритора второго типа был лишен двойственности и это способствовало тому, что массы воспринимали его с большим доверием, чем образ ритора первого типа. Он был целен, прост, понятен.

Речевой этос как отношения между советскими речедеятелями формировался под влиянием партийной этики, которую понимали как разновидность профессиональной этики революционера и пропагандиста. «Партийная этика отличается от прочих профессиональных этик своим культурным статусом и тем, что она именно партийна, т.е. ориентирована на интересы классовой борьбы пролетариата, наиболее авторитетной профессиональной группы – класса-гегемона. Нравственным признается все то, что соответствует этим интересам» [Романенко 2003: 48]. Отношения риториков и аудитории детерминированы задачами пропаганды и агитации.

Советский этос формировался по принципу демократического централизма и реализовался в трех главных жанро-видовых формах – митинге, демонстрации, собрании. Однако поскольку главным в советской речевой практике оказывается документ, ораторика и формы ее реализации – митинг и демонстрация – ритуализируются и даже

церемонизируются. «В отличие от западного парламента, где действительно принимаются решения, учитывающие мнения всех присутствующих и приводимую ими аргументацию, на самом партийном съезде (а также чаще всего – и на партийном собрании) не решается ничего, все решения известны заранее и выступления ораторов носят скорее эмоциональный, чем рациональный характер. Отсюда и такие митинговые формы как «бурные и продолжительные аплодисменты», «все встают», «все скандируют «Слава Сталину!» [Романенко 2003: 71]. Таким образом, ораторика, наряду с письменными формами массовой культуры (газетой), стали ритуализированными формами и способами объявления решений власти. «Основная функция языка в тоталитарном государстве – функция предписательности» [Купина 2006: 83].

Отдельно необходимо сказать о взаимоотношениях советской риторики с истиной. Советскому руководству было характерно небывалое прежде приукрашивание действительности. Общим местом в советские времена стало недоверие населения к официальным новостям и сводкам. «Большевистское руководство страны, принимая то или иное решение, всегда решало две разные задачи: во-первых, что делать, и, во-вторых, что сказать (как, в какой форме, с какой полнотой информировать о принимаемом решении членов партии, граждан, мировую общественность и информировать ли вообще). Сейчас стали известны документы, из которых явствует, что вожди революции в годы гражданской войны давали указание так организовать расстрелы заложников, чтобы их можно было свалить на белые войска. В первые месяцы Великой Отечественной войны, когда советские войска терпели сокрушительное поражение и враг оказался перед Москвой, выходили информационные киновыпуски, показывающие, как мужественные красноармейцы наносили поражение фашистским войскам» [Гусейнов 1995]. Это явление объяснялось тем, что интерпретация событий не должна была выходить за рамки догм, которые утверждались советской идеологией. «Идеологическая предзаданность официального общественного сознания превращала страну в поле чудес, где всякое поражение оборачивается победой, глупость – мудростью, зло – добром, а люди зачаровываются таким странным образом, что они не говорят о том, что видят, а видят то, о чем им говорят» [Там же]. Идеология была инструментом управления общества, риторика же была «служанкой» идеологии. Истинность информации ценилась в последнюю очередь.

Такой тип общественного взаимодействия в течение семи десятилетий породил общество тотального недоверия. «Обман вмонтирован в нашу общественную коммуникацию. Разве не имеют всеобщего характера ухищрения с телефонами («скажи, что меня нет дома», «я вам звонил, у вас было занято»)? Или объяснения, которые даются в связи с разного рода опозданиями («долго автобуса не было», «срочно вызвали по неотложному делу»)? И так на каждом шагу. Мы, даже разговаривая друг с другом, решаем дополнительные, находящиеся «за кадром» задачи, объем которых намного превышает интеллектуальные нагрузки, вытекающие из непосредственного смысла произносимых слов и предложений» [Там же].

Язык советской ораторики представляет собой тот стандарт, который получил название «новояз» (синоним тоталитарному языку) или «канцелярит». Е.А. Земская выделяет такие черты тоталитарного языка: «высокая степень клишированности, эвфемистичность, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса. Клише новояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности» [Земская 1996]. Язык прежней интеллигенции еще используется в качестве источника речевой нормы. Однако язык канцелярий и партийная словесность становятся источниками новой нормы.

Активно используются партийная терминология, партийный жаргон, партийная публицистика, партийные документы, военная терминология. Это явление Т.В. Шмелева метафорически назвала «полититом» – по аналогии с термином Чуковского. «Политит – заболевание, свойственное речи не только политиков, но скорее тех, кто ею интересуется, много читает, слушает и - главное - считает политическую речь идеальной и потому распространяет ее средства на общения в других сферах. Политит сложился в 20-30-е годы как результат массового политпросвещения, вдалбливания широким массам «политики партии и правительства», излагавшемся на партийном жаргоне» [Шмелева 2000].

Норма начинает ориентироваться на уровень речевой культуры масс. Эту черту модернизации чаще всего называют упрощением языка. В стилистике актуализируются традиционные риторические требования к стилю – простота, ясность, доступность. «Это



было связано с задачей агитации и пропаганды марксизма в массах, с популяризаторским, упрощенческим характером советской риторики» [Романенко 2003: 155]. Упрощение словаря выразилось, главным образом, в его сокращении за счет религиозно-философской терминологии и всех слов, так или иначе связанных с «буржуазной культурой». В то же время словарь пополнился неологизмами.

**Таким образом, можно сделать следующие выводы о риторическом идеале советского времени:**

- 1) Идеологический и популяризаторский характер риторики, который выливался в развитие жанра пропаганды; простота и доступность аргументации, рассчитанные на массового слушателя;
- 2) Ритуализированность и «церемонизированность» советской ораторики, которые не требовали от речи действенности, но только утверждения марксистских догм, «спускавшихся свыше»;
- 3) Иерархизированность и агональность речевого взаимодействия;
- 4) Требования простоты, ясности и доступности речи, которые отвечали задачам пропаганды; обширная замена словаря и упрощение языка, «политит» речи.
- 5) Влияние пропаганды на эстетику речи: красиво то, что утверждает требуемую идею.

#### **Речевой идеал современности**

В середине XX в., после векового упадка интереса к риторике, происходит ее «реабилитация». Во Франции, Бельгии, Италии и других странах вновь ведутся исследования в области риторики, она становится полноправной научной дисциплиной. Такого рода тенденции наблюдаются и в США. Характерно, что современные представления о риторике не просто воспроизводство, реанимация тех идей и методов, которые ею разрабатывались традиционно. Это новое осмысление ее сути и возможностей.

Взлет популярности риторики имел глубокие социальные корни. «События XX века остро поставили перед наукой и философией проблему манипулирования сознанием в средствах массовой коммуникации. Одним из ответов на этот вызов стала после Второй мировой войны неориторика или теория аргументации. Интерес к риторике возрастал по

мере того, как становилось очевидным, что тоталитарное сознание не есть специфическое свойство советского большевизма или немецкого национал-социализма, но общая закономерность всей современной демократической и гуманистической цивилизации, которая идеологически управляется массовой коммуникацией» [Волков 2001]. Во второй половине XX в. появился новый термин – «неориторика», который обосновал профессор Брюссельского университета Х. Перельман. Ее современная проблематика разрабатывается на стыке лингвистики, теории литературы, логики, философии, психологии. Брюссельский ученый считается основателем той части неориторики, которая исследует аргументацию в гуманитарных науках, в частности, в практике публицистов, судей и др. В качестве нового идеала, противопоставленного классической традиции, создатели неориторики представляют совецательную речь. «Мы могли бы сказать, что риторика должна формировать скорее судью, чем истца. Что отталкивает в образе истца, так это односторонность: он закрыт для аргументов противника, когда не занят их опровержением. Истцу заранее известны выводы, и его задача лишь в том, чтобы найти подтверждающее их доводы. <...> Там, где нет ни возможности выбора, ни альтернативы, мы не осуществляем нашу свободу. Именно совецательность отличает человека от автомата» [Грановская 2004: 199]. В работе «Трактат об аргументации: новая риторика», написанной в соавторстве с Л. Ольбрехт-Тытека, он подчеркивал, что положения устной речи или текста можно аргументировать не только математически, логически или эмпирически, но и с помощью средств, которые не обладают доказательной силой, но ориентированы на то, чтобы убедить в правоте высказанного тезиса. Это, по его мнению, игровые способы и средства, этические понятия и обращения к морали, различные способы рассудительности.

Причем характерно, что новая риторика приобрела определенные национальные оттенки. В США это риторическая критика и риторическая методология. В основе американской публичной речи – декларация всеобщего блага. В Италии неориторика развивается в рамках литературной критики. В Бельгии сложились два направления неориторики: аргументированная риторика (Х. Перельман, С. Тулмин и др.) и общая риторика (Ж. Дюбуа и др.). Общая риторика представлена «группой мю» из Льежского университета. Название группы ее члены определяют от первой буквы греческого слова «метафора», самой замечательной, как они считают, из тропов и фигур риторики. Во

Франции разработки в области неориторики связываются с деятельностью Р. Барта. Наибольшее развитие получила так называемая метариторика, которая занимается общей теорией риторики и интерпретацией ее понятий. Риторика в современной Германии идентифицирует говорящего и слушающего. Цель неориторики – преодоление отчуждения. Партнеры равны друг другу, общение демократично.

Неориторика формирует особый риторический идеал. Он вбирает в себя традиционные ценности, и вместе с тем в нем проявляются черты, которые стали в обществе наиболее востребованными – эффективность речи, возможность достигнуть успеха при помощи нее. Основная черта современного риторического идеала – прагматизм. Хорошая современная речь – речь логичная, убедительная, без лишних украшений. В то же время по-прежнему ценятся «искренность и эмоциональная сдержанность, задушевная тональность общения, его диалогичность, т.е. обращение к собеседнику как к равному; признается стилистическая многослойность, богатство речевого выражения, осуждается неуравновешенность, фамильярность, льстивость, злоба» [Матвеева 2003].

В России по причине особого развития в XX в., всплеск интереса к риторике проявился значительно позже, чем в Европе и Америке – только в 90-е гг. Он совпал с переустройством общества и стал очевидным следствием смены общественного строя. Демократическое устройство общества, как и во все времена, дало толчок к развитию риторики. Однако речевая практика «диких» 90-х не уменьшила агональность советского времени, а наоборот усилила ее. И если раньше организующим принципом этоса, пафоса и логоса речи являлась идеология коммунизма, то теперь, когда ценностные ориентиры размыты, не стало единого речевого идеала, каждый оратор оказался волен выбирать риторические ориентиры по своему усмотрению.

Риторика постперестроечного времени стала наследницей советской эпохи в вопросах этики и правдивости речи. А.А. Гусейнов справедливо отмечает, что даже приобретенная свобода слова мало изменила в духовной ситуации – она остается такой же «фальшивой и лицемерной, какой она была в период жесткой идеологической монополии. <...> Изменились формы и механизмы трансляции обмана и самообмана в обществе, но не общая атмосфера лжи. В чем-то ситуация стала еще более безнадежной, ибо к большой лжи, инспирируемой идеологическими догмами, добавилось высвеченное гласностью

мелкое жульничество государственных деятелей. <...> Словом, атмосфера нашей публичной жизни была и остается атмосферой лжи, обмана и самообмана, притом в такой степени, что именно ложь, обман и самообман являются позитивным состоянием, нормой существования» [Гусейнов 1995].

Моральная неопределенность переходного времени в 90-е и «нулевые» годы сказалась и на представлениях о том, что говорить можно, а что нельзя. Этические границы речи оказались размыты – говорить можно все, лишь бы это позволяло достичь цели, в условиях капитализма – цели «продать». Именно поэтому в конце века в Россию хлынула литература, основывающаяся на манипулятивных приемах (Д. Карнеги, К. Бредемайер), и до сих пор она имеет необычайную популярность. «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями, причем скрытый характер манипуляции создает у жертвы впечатление, будто она самостоятельно управляет своим поведением» [Доценко 1997: 58]. Немецкий консультант по коммуникациям К. Бредемайер, автор книги «Черная риторика» дает такое определение: «Черная риторика – это манипулирование всеми необходимыми риторическими, диалектическими, эристическими и рабулистическими приемами для того, чтобы направлять беседу в желательное русло и подводить оппонента или публику к желательному для нас заключению и результату» [Бредемайер 2008: 12]. Он открыто заявляет о том, что требования гармоничности общения, соблюдение регламентированных правил в споре или переговорах зачастую оказываются «стоящими на глиняных ногах фальшивой вежливости». «Некоторые из лучших специалистов в области тактики переговоров постоянно нарушают общепринятые правила их ведения – и в высшей степени успешно. Осознанно или неосознанно, все они используют черную риторику» [Там же: 15]. Некоторые современные отечественные риторы, авторы учебных пособий по риторике, придерживаются схожих принципов.

Демократия проявилась и в языковом отношении. «Речевая свобода, безусловно, оздоровила язык: избавила его от идеологической лжи, способствовала активизации процесса демократизации, обновлению стилового облика текстов, принадлежащих к различным разновидностям литературного языка, раскрепостила межличностное общение, предоставила возможность для реализации языковой индивидуальности. Вместе с тем

речевая свобода принесла с собой негативный для культурно-речевой ситуации явления, в числе которых безразличие к правильности, фактографической и лексической точности речи, утрата чувства меры в употреблении нелитературных языковых средств, легализация вербальной агрессии» [Культурно-речевая ситуация в современной России 2006: 3]. Е.Н. Ширяев отмечает положительные и отрицательные черты процесса демократизации языка: «Современное состояние русского языка определяется двумя взаимосвязанными характеристиками. С одной стороны, по сравнению с тоталитарно-административной эпохой, когда русский язык находился в железных тисках новояза, происходит демократизация языка, преодолении новояза, что оценивается как позитивный процесс. С другой стороны, демократизация языка перерастает в своеобразную языковую вседозволенность со всеми ее негативными процессами» [Ширяев 2000: 14]. Он приводит примеры из публичной речевой практики журналистов и политиков, в выступлениях которых зачастую употребляются просторечные, а иногда и вовсе обценные лексические единицы.

Такое речевое раскрепощение, перерастающее во вседозволенность, зачастую приводит к напряженности и фрустрации. Деструктивные составляющие речевого поведения (вербальная агрессия, рост языковых маргиналий, вульгаризация, повышенная эмоциональность общения) становятся нормой, что однако приводит к дисгармоническому результату коммуникации. Исследователи справедливо отмечают, что современный человек живет «в условиях тотального наступления на него фрустрирующих ситуаций» [Майданова 1997: 13], ощущая растерянность, дискомфорт, страх, отчаяние [Шалина 2000].

Прагматизм, который в капиталистическом обществе проявляется в виде возможности речи убеждать и «продавать» все – товары, услуги, людей и др., стал задавать тон практически во всех аспектах публичной речи. Появляются родственные пропаганде виды воздействующей коммуникации – реклама и паблик рилейшенз, развивается новый публичный жанр – бизнес-презентация, который отвечает основной задаче свободного рынка – продать и получить прибыль. В этих новых видах публичной речи используются все основные приемы риторики. Главная их цель – внушение с целью продажи и закрепления позитивного имиджа компании или отдельного человека. Оба

жанра зачастую игнорируют реальность, следуя древнейшему софистическому принципу – все средства хороши для убеждения.

Среди современных исследователей нет единства мнений относительно того, какой именно тип речи превалирует в России – манипулятивный или гармонический. А.П. Сковородников отмечает, что в новых социально-политических и экономических условиях России к. XX – нач. XXI вв. формируется новый риторический идеал, отличный от традиционного русского идеала, для которого важны такие категории как гармония, красота, смирение, миролюбие и др. Вбирая в себя традиционные ценности, вместе с тем современный идеал в своем содержании акцентирует прагматический аспект – аспект эффективности, успешности речевого общения. Он представляет собой «интегральную модель». В нем сочетаются такие составляющие, как логико-аргументативный, этико-эстетический, коммуникативно-прагматический, нормативно-языковой и этнокультурологический компоненты [Культура русской речи 2003].

А.К. Михальская, в свою очередь, утверждает, что «современная хорошая речь – это некая «литературная геометрия», результат усиленной мыслительной работы, соразмерное здание, логически выстроенное из четких смыслов точно употребленных слов. Это речь скорее мужественно логичная и строгая, чем женственно изящная и украшенная. Хорошая современная речь – это речь умная. Но это также и речь не просто умная, но устремленная к истине и прекрасная своей стройной структурой и логикой, своей упорядоченностью. Кроме того, это речь не нейтральная по отношению к нравственности, т.е. добрая и правдивая» [Михальская 1996: 9]. Она приводит высказывание японских филологов о том, что «главная особенность речевого поведения японцев – внимание и чуткость к собеседнику – послужит для создания основ коммуникации будущего» [Там же: 187]. Однако, как показали приведенные выше примеры, далеко не каждый современный специалист по риторике согласится с этим утверждением [См.: Бредемайер 2008]. Факты речевой практики зачастую говорят об обратном.

А.П. Сковородников [Сковородников 1997], полемизируя с исследовательницей, отмечает, что подчеркивание манипулятивности западного речевого идеала и гармонизированности русского речевого идеала преувеличено, что как и среди западных риторик можно обнаружить примеры стремления к «правде-истине», так и в русских

риторических трактатах можно найти рекомендацию «угождать всем без изъятия» (автор приводит в пример «Домострой», который для избежания конфликта советует иногда даже покривить душой).

Уточняя вышесказанное, нужно отметить, что современный русский риторический идеал «сфероцентричен» – т.е. лишь отдельные сферы ораторской речи отмечены превалированием определенного речевого идеала. Например, политическая, юридическая речь и речь бизнеса – области, в которых нередко используются манипулятивные приемы «черной риторики», демагогия [Гусейнов 2004] и ложь. «Некоторые специалисты не без основания полагают, что именно манипулятивные приемы, а не логика составляют главный объект риторики и, в частности, так называемой политической риторики, предметом которой являются схемы и тактики манипулятивного воздействия на народные массы и отдельные социальные группы» [Москвин 2008: 355]. Академическое и церковное красноречие – сферы, в которых сохранился «высокий» традиционный риторический идеал. В речи профессоров и проповедников можно отметить и диалогичность, и субъект-субъектное отношение к собеседнику, и гармонизированность и др. Оба этих вида красноречия характеризуются стремлением к истине, «качественной» украшенностью. Однако указанные черты не являются обязательными для хорошей современной лекции. В большинстве случаев средний слушатель останется доволен и простой, незамысловатой лекцией, без особенных риторических изысков. И в то же время нельзя утверждать, что манипулятивность и демагогия – обязательные черты политической речи. Очевидно, так и проявляется всеобщий принцип эффективности и прагматизма – выбирать наиболее подходящие в данном случае способы и средства изложения, ориентируясь на запреты и разрешения индивидуальной морали (совести).

А.А. Ивин отмечает, что в настоящее время риторика лишена единой парадигмы. «Можно сказать, что современная риторика находится в процессе бурного развития, напоминающего развитие теории света накануне возникновения корпускулярной оптики И. Ньютона или развитие теории эволюции живых существ перед возникновением теории Ч. Дарвина» [Ивин 2002: 14]. Риторический бум распространился по всему миру, используются и изучаются самые разнообразные речевые стратегии и тактики – от явно манипулятивных до высоко моральных и ценностных. Терпимость, толерантность к

разным речевым подходам и культурам, «всеядность» – черты современной духовной жизни общества, которые оказывают влияние и на риторический идеал современности.

**Основные черты современного риторического идеала:**

- 1) Под влиянием общего прагматизма современной эпохи усиливаются требования к действенности речи, в связи с этим особую разработку получает аргументация, техническая сторона речи обогащается знаниями из психологии, социологии, философии, логики и др.
- 2) Эстетика подчинена принципу прагматизма: отсутствие «украшенности», простота стиля и ясность изложения – основные эстетические требования;
- 3) Языковой стиль современной ораторской речи также формируется под влиянием прагматизма, а также подчиняется требованиям кодифицированной литературной нормы. Важнейшие языковые качества хорошей речи – ясность, правильность, чистота, выразительность;
- 4) Этическая сторона речи выдерживается менее строго и в современном российском обществе опирается на индивидуальную мораль; западное общество контролируется речевым правом;
- 5) Разнообразие риторических моделей: от агональной манипуляционной риторики до утверждающей традиционные принципы истинности, добра и справедливости.



### Заключение

Таким образом, мы рассмотрели понятие риторического идеала, его составляющие и проследили историю изменений представлений о «хорошей» речи. Рассмотрим, как изменялись компоненты риторического идеала разных эпох.

- Техническая сторона: сильно развившись в Античности, в Средние века обогащается лишь за счет проповедничества и до XX в. почти не претерпевает изменений; многие века риторика опирается на законы, открытые Аристотелем и Цицероном. А.А. Ивин указывает, что история риторики может быть уподоблена истории логики, которая, будучи изобретенной и описанной Аристотелем, до XX в. оставалась в неизменной в виде.
- Языковая сторона: находится под влиянием технической, эстетической и этических составляющих риторического идеала – активно изменяется вслед за развитием социума, речевой нормы, филологического знания: масштабное развитие лингвистического знания в Античности, изобретение и собирание «украшений» речи и упадок интереса к этому аспекту речи в Средние века, а также в современности. В обоих случаях традиция задается технической и этической стороной – язык служит лишь способом выразить эти идеалы.
- Эстетическая сторона: категории эстетики на протяжении веков фактически остаются общими, наиболее важные из них – гармония, симметрия, ритм и др.; этическая и эстетическая стороны речи диалектически перетекают друг в друга с течением времени – в одно время считается красивым то, что несет благо, в другое благим считается то, что красиво.
- Этическая сторона: как в древности, так и доныне этика речи представлена в двух вариантах – манипулирующая риторика и «положительно-онтологичная» риторика, одна стремится найти истину и доказать ее, другая – слабое мнение сделать сильным.

Какие факторы влияли на изменение этих составляющих? Развитие философии в античности, филологического знания и собственно науки в Новое время позволило совершенствовать и структурировать техническую сторону риторики. Эти же явления, однако, становились причиной критики и забвения риторического знания в отдельные периоды. Поздняя античность и средневековье внесли свой вклад в развитие

схоластической «ученической» риторики – технический аппарат стал настолько совершенен и прост, что оказался доступен понимаю ребенка.

Мощнейшее влияние на риторику имели социальные изменения, появление и развитие государств, смена общественного и политического строя. Демократия вызывала к жизни один тип речи, утверждала свои этические и эстетические ценности, тоталитаризм – совершенно иные.

Духовная жизнь общества, ее идеологическое наполнение – также оказывали свое влияние на способы общения. Мы видели, как античный космос, определяющий мировоззрение образованного грека и его представления о прекрасной речи, сменился христианством. Бог пришел на смену Космосу и стал определять форму и содержание речи. Однако многовековое господство религии в одночасье было свергнуто в России в советское время, что не замедлило сказаться на речевой практике.

Таким образом, мы видим, что риторический идеал эволюционирует под влиянием изменения мировоззрения людей, под влиянием практики отдельных речедателей. Выбор конкретных ценностных ориентиров в речевой практике формируется на основании той суммы знаний, которые человек усваивает в процессе воспитания и образования и под влиянием индивидуальной творческой практики. Исторические катаклизмы, социальное преобразование общества незамедлительно сказывается на способе общения и представлениях о хорошей речи. Следовательно, риторический идеал – это ментально-речевой конструкт культуры, который активно реагирует на социальные и духовные изменения.

Нам представляется перспективным углубление исследования в исторической риторике с тем, чтобы рассмотреть влияние конкретных социальных изменений и событий на то, «как люди стали говорить», в частности, изменения устройства общества и способа взаимодействия в нем, смена политических режимов, религиозных догматов и др.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: 1996.
2. *Аннушкин В.И.* Риторика. Вводный курс – М.: Флинта: Наука, 2006.
3. *Аннушкин В.И.* Русская риторика: исторический аспект: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2003.
4. *Апресян Г.З.* Ораторское искусство – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
5. *Аристотель* Поэтика. Риторика – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010.
6. *Барт Р.* Семиотика. Поэтика (Избранные работы) – М.: Прогресс, 1989.
7. *Безменова Н.А.* Очерки по теории и истории риторики – М.: Изд-во «Наука», 1991.
8. *Борев Ю.Б.* Эстетика: Учебник – М., 2002.
9. *Бредемайер К.* Черная риторика: Власть и магия слова – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
10. *Волков А.А.* Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001.
11. *Волков А.А.* Основы риторики: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2003.
12. *Гандапас Р.И.* К выступлению готов! Презентационный конструктор – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010.
13. *Гаспаров* «Цицерон и античная риторика» // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Изд-во «Наука», 1972.
14. *Гофман В.А.* Слово оратора: Риторика и политика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
15. *Грановская Л.М.* Риторика – М.: Азбуковник, 2004.
16. *Грей Я.* Сталин. Личность в истории // Грей Я. Сталин. Личность в истории. Троцкий Л. Сталин. – М., 1995.
17. *Гусейнов А.А.* Введение в этику – М.: Изд-во Московского ун-та, 1985.
18. *Гусейнов А. А.* Красно поле рожью, а речь ложью // Новая Россия (Воскресенье). 1995. № 2.
19. *Гусейнов А.А.* Моральная демагогия как социальный феномен // Школьные перспективы, 2004.

20. *Диоген Лаэртский* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
21. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. – М., 1997.
22. *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания – 1996. № 3.
23. *Ивин А.А.* Риторика: искусство убеждать. Учебное пособие – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.
24. История русской риторики: Хрестоматия / Сост. В.И. Аннушкин: Учебное пособие для вузов и гуманитарных школ. М.: Издательский центр “Academia”, 1996.
25. История философии: Учебник для высших учебных заведений. – Ростов н/Д: Феникс, 2008.
26. *Кант И.* Сочинения в шести томах. – М., "Мысль", 1966. – Т. 5.
27. *Карнеги Д.* Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично – Минск: «Попурри», 2009.
28. *Клоков В. Т.* Развитие и применение языкового права в Швейцарии // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия Филология. Журналистика. - Т. 9. - Вып. 1.
29. Красноречие Древней Руси (IX - XVII вв.). М., 1987.
30. *Крутоус В.П.* Категория прекрасного и эстетический идеал. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1985.
31. Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
32. *Купина Н.А.* Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Вестник российской риторической ассоциации. – Красноярск, 2006. – Вып. 8-9.
33. *Курбатов Л.Г.* Риторика // Культура Византии (IV - первая половина VII в.). М., 1984.
34. *Лазарев Д.* Продающая презентация – М.: Альпина Паблишерз, 2010.
35. *Лихачев Д.С.* Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII в. – М.: Художественная литература, 1980.

36. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // История русской риторики: Хрестоматия / Сост. В.И. Аннушкин: Учебное пособие для вузов и гуманитарных школ. М.: Издательский центр «Academia», 1996.
37. *Лосев А.Ф.* Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости // Античные риторики – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
38. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон – Харьков: Фолио, 2000.
39. *Майданова Л.М.* Качество общения через средства массовой коммуникации // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
40. *Михальская А.К.* Основы риторики: Учеб. для общеобразовательных учреждений – М.: Дрофа, 2002.
41. *Михальская А.К.* Педагогическая риторика: история и теория. Учеб. пособие для студентов пед. университетов и институтов. – М.: Издательский центр «Academia», 1998.
42. *Михальская А.К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. – М.: Издательский центр «Academia», 1996.
43. *Москвин В.П.* Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов – Ростов н/Д: Феникс, 2008.
44. Памятники византийской литературы IV - IX веков. М., 1968.
45. *Платон «Горгий»* // Платон. Собр. соч. в 3-х томах. Том 1. М.: "Мысль", 1968.
46. *Платон «Федр»* // Платон. Собр. соч. в 3-х томах. Том 1. М.: "Мысль", 1968.
47. Риторика. Курс лекций / Под ред. Л.А. Муриной. - М., 2002.
48. *Рождественский Ю.В.* Принципы современной риторики – М., Флинта: Наука - 2005.
49. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. – М., 1997.
50. *Романенко А.П.* Советская словесная культура: образ ратора – М.: Едиториал УРСС, 2003.
51. Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К. Граудина. – М.: Просвещение: «Учеб. лит.», 1996.

52. Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1996.
53. *Сковородников А.П.* О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 5. Красноярск – Ачинск, 1997.
54. *Сопер П.* Основы искусства речи – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
55. *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начала VIII века). М., 1989.
56. *Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Развитие политической теории. Софисты – М., 1989.
57. *Шалина И.В.* Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
58. *Ширяев Е.Н.* Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
59. *Шмелева Т.В.* Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: специализированный вестник. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000.

### Словари

60. *Кондрашов В.А.* Новейший философский словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2008.
61. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.
62. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта: Наука, 2003.
63. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001.
64. Философский энциклопедический словарь – М.: ИНФРА-М, 2002.
65. Философская энциклопедия в 5-ти тт. – М., 1960-1970.
66. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000.